

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖУРНАЛ

Воскресенье

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Издается приходом храма Пресвятой Троицы г. Коломны (Щурово)

Стр. 26

Порушенные храмы коломенской земли

Стр. 4 ИВЕРСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Стр. 8 СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Стр. 16 ГАЛЕРЕЯ. БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА

СТР. 24 ВОПРОС - ОТВЕТ

СТР. 26 ПОРУШЕННЫЕ ХРАМЫ

СТР. 38 АНГЕЛА ЗА ТРАПЕЗОЙ

СТР. 42 ДЕТСКАЯ СТРАНИЦА

СТР. 50 МЕСЯЦЕСЛОВ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА:

- Стр. 3** СЛОВО РЕДАКТОРА. *Михаил Позвонков.*
- Стр. 4** ИВЕРСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ. *Михаил Позвонков.*
- Стр. 8** СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. "Воеводское владение на коломенской Репне".
"Республика беспризорных". *Валерий Ярхо.*
- Стр. 16** ГАЛЕРЕЯ. Торжество духа. Картина Василия сурикова "Боярыня Морозова".
Михаил Позвонков.
- Стр. 24** ВОПРОС-ОТВЕТ. *Михаил Позвонков.*
- Стр. 26** ВОСКРЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. "Порушенные храмы". *Михаил Позвонков.*
- Стр. 36** КНИЖНЫЙ ШКАФ. "Зона затопления". Роман Сенчин.
- Стр. 38** АНГЕЛА ЗА ТРАПЕЗОЙ. Баранья корейка во фруктовой маринаде.
Михаил Позвонков.
- Стр. 40** ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА. Крестовоздвижение. Стихи.
- Стр. 42** ДЕТСКАЯ СТРАНИЦА. "Голубая змейка". Павел Бажов.
- Стр. 50** МЕСЯЦЕСЛОВ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. Ежемесячное издание

Учредитель - МРОПП Троицкого храма
г. Коломны (Щурово) Московской обл. Московской епархии
Русской Православной Церкви.

Редактор: Михаил Позвонков.

Дизайн, вёрстка: Родион Степанов.

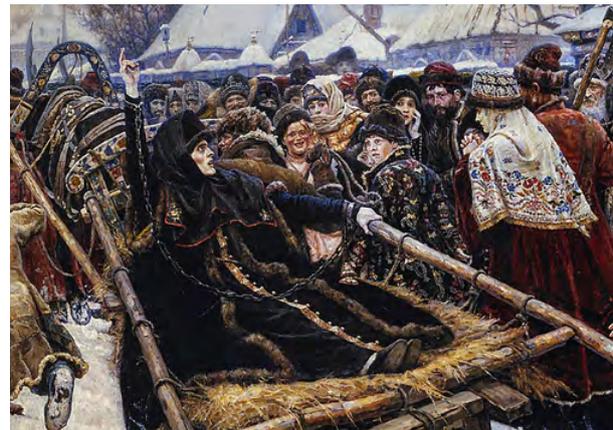
Корректурa: Галина Старостина

Адрес редакции: 140413,
г. Коломна, ул. Октябрьская, д. 3.
Тел./факс: (496) 613-9993.
www.hram1891.ru,
e-mail: Hram1891@hram1891.ru

Иллюстрации материалов:
фото авторов или из открытых источников CC-BY

Слово редактора

Поздравляю вас с праздником Покрова Пресвятой Богородицы! Очередной номер семейного журнала «Воскресенье» у нас получился изобилующим материалами на историческую тему. В заглавной статье очередного номера мы расскажем об истории одной из самых почитаемых в России икон Божией Матери – Иверской. Список чудотворной иконы был заказан патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем Романовым на Афоне и привезен в Москву. Известно, что царь Алексей, прозванный «Тишайшим», был большим богомольцем и немало времени и средств уделял Церкви. Однако именно в его царствование возник старообрядческий раскол – православное общество разделилось вследствие поспешных реформ патриарха Никона и последствия этого не уврачеваны и по сей день. С историей раскола связана и трагедия двух знатных дворянок семнадцатого века – боярыни Феодосии Морозовой и её сестры Евдокии Урусовой. Вдохновлённый биографией Морозовой, Василий Суриков написал свое знаменитое полотно, украшающее сегодня Третьяковку. О картине поговорим в нашей традиционной рубрике «Галерея».

В историческом разделе перенесемся во времена более ранние: в царствование московского князя Василия Второго. Попытка государственного переворота нашла отражение и в истории Коломны, о чем поведаст наш постоянный автор историк Валерий Ярхо.

И – наш специальный проект. Съёмочная группа издательства подготовила фоторепортаж о старинных порушенных храмах Коломенского благочиния – о тех памятниках истории и старины, которые чудом уцелели в лихолетье и теперь отчаянно нуждаются в реставрации. Фоторепортаж мы снабдили краткой исторической справкой.

*Главный редактор журнала «Воскресенье»
Михаил Позвонков.*

ИВЕРСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

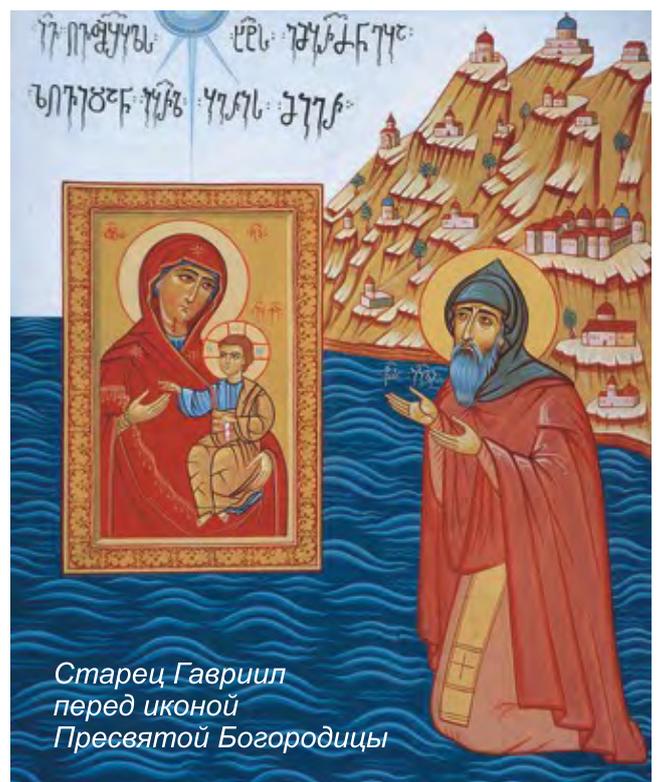
26 октября празднуется Иверская икона Божией Матери – пожалуй, одна из самых почитаемых чудотворных икон русской столицы, да и всего государства.

Предание сообщает, что первые образы Пресвятой девы были написаны евангелистом Лукой. История Иверского образа восходит к этим изображениям.

На священной горе Афон есть особо почитаемая земля, именуемая уделом Богородицы. Она почитается как святыня, находящаяся под особым покровительством и управлением Божией Матери. Однажды Божия Мать отправилась на остров Кипр навестить святого Лазаря – того самого Лазаря, которого воскресил Христос. Но сильная буря сбила судно с курса и путешественники оказались близ Афона. Население Афонской горы было в те времена языческим, что подвигло Деву Марию на проповедь. Многие из язычников уверовали и получили благословение Богородицы.

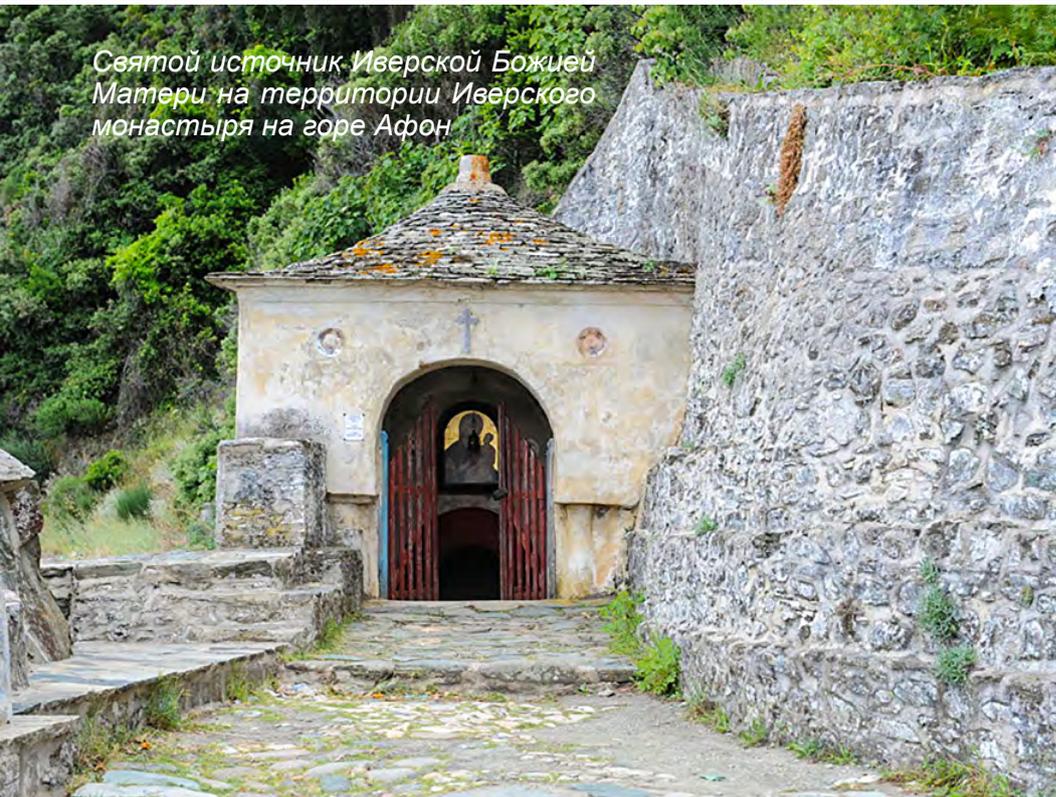
Иверская икона

В девятом веке настали тяжкие времена для христиан: снова возникла ересь иконоборчества, казалось бы, уничтоженная на Седьмом Вселенском соборе. Иконы уничтожали и предавали поруганию. В то смутное время близ города Никеи проживала некая женщина, вдова, в доме которой был образ Пресвятой Богородицы. Однажды в дом ко вдове зашли солдаты, один из которых, глумясь, ударил икону копьем. К ужасу присутствующих из иконы потекла кровь. Чтобы спасти икону от поругания, женщина пришла к морю и пустила образ по волнам. Святыня приплыла к берегам Афона, где ее обрел инок Грузинского Иверского монастыря святой Гавриил Грузин.

Старец Гавриил перед иконой Пресвятой Богородицы

Святой источник Иверской Божией Матери на территории Иверского монастыря на горе Афон

Современный вид Иверской часовни

Икону внесли в монастырь, однако наутро её обнаружили над воротами обители. История повторялась снова и снова: монахи вносили образ в монастырь, но икона сама меняла свое местоположение, неизменно оказываясь над воротами. Икону так и оставили у ворот, назвав Вратарница (Портаитисса). Наименование же Иверская икона получила от названия монастыря. И уже не иноки охраняли образ, а сама икона охраняла обитель.

В семнадцатом веке Новоспасский архимандрит Никон - будущий патриарх - попросил архимандрита Иверского Афонского монастыря Пахомия прислать список с чудотворной иконы. Игумен монастыря дал согласие, и впоследствии, вместе со списком иконы было передано и послание, в котором был описан процесс создания чудотворного списка иконы: *«Когда мы вернулись в свой монастырь, то собравшись со всею братией (365 человек), совершили всенощное бдение с молебном и на рассвете осветили воду, погрузив в нее святые мощи. Этой водой стали обливать чудотворную икону Пресвятой Богородицы Старую Портаитскую. Собрав ту воду в великую чашу, омыли ею кипарисную доску для новой иконы и вновь собрали воду. Затем с великим дерзновением совершили мы Божественную и Святую Литургию, после чего святую воду с мощами отдали иконописцу преподобноиноку, священнику и духовному отцу господину Ямвлиху, Романову сыну, дабы, смешав ее с красками, написал он икону. Во все время работы иконописец строго постился, вкушая пищу по субботним и воскресным дням, а вся братия дважды в неделю совершала всенощные бдения и Литургии. И новая та икона не разнится ничем от первой иконы, ни длиной, ни шириной, ни ликом — одним словом, новая аки старая».*

Несмотря на это сопроводительное письмо, икона отличалась от оригинальной: святогорец Ямвлих создал даже не список иконы, а новый образ: появились изображения ангелов и двенадцати апостолов, растительный орнамент, поза младенца Христа также изменилась. Отличался и стиль написания: вместо строгости византийского письма в новой Иверской иконе появились умильные черты, а само написание деталей стало более плавным и мягким. Были отличия и в надписях: в среднике иконы прочитываются (кроме обычных) следующие греческие надписи: над главой Богородицы — 'H ΠΟΡΤΑΝΤΗΣΑ ΤΩΝ 'ΗΒΗΡΩΝ (Вратарница Иверская), над правым Ее плечом — 'H 'ΕΛΕΟΥΣΑ (Милующая). По ковчегу иконы идет, написанный золотой краской, автограф инока-святогорца.

13 октября 1648 года святыню торжественно встретили царь Алексей Михайлович «Тишайший», Патриарх Иосиф с духовенством и великим множеством жителей Москвы. Икона была помещена в Успенский собор Московского Кремля, а позже находилась в домово́й церкви первой супруги царя – Марии Ильиничны Милославской. Дата встречи иконы (по новому стилю – 26 октября) стала церковным праздником.

В 1654 году Алексей Михайлович отправился в поход на Вязьму. Целью похода было освобождение Смоленска, который более века находился под властью Литвы и Польши. В поход была взята Иверская икона. Николай Карамзин пишет: «Съездивши к Троице и в Саввин монастырь, царь 10 мая осмотрел на Девичьем поле всех ратных людей, которые должны были идти с ним в поход; 15 мая отпущена была в Вязьму Иверская икона богородицы, и в тот же день отправились туда воеводы передового и ертаульного полка; на другой день выступили воеводы большого и сторожевого полка; 18 мая выступил сам царь.»

По возвращении из победоносного похода царь поместил икону в Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Смоленский собор монастыря был построен в честь возвращения Смоленска в состав российского государства при царе Василии Третьем, и, таким образом, два знаменательных исторических события были увековечены в стенах одной обители.

В течение трёх веков список древнего образа оставался в стенах Новодевичьего. Исключение было сделано лишь однажды – во время празднования 300-летия дома Романовых в 1913 году. Тогда Иверский образ был доставлен в митрополичьи палаты московского Чудова монастыря для всеобщего поклонения.

Передача Иверской иконы в Новодевичий монастырь

Но настало революционное время – эпоха богборцев и борьбы с Православием. Монастырская жизнь в Новодевичьем прекратилась, а сама икона попала в фонды Государственного Исторического музея – его филиал был размещен в корпусах монастыря. Благодаря хранителям музея икона не пострадала. В 1994 году в стенах обители снова зазвучала молитва – возрождалась монашеская жизнь. А в 2010 году весь ансамбль монастыря был передан Московской епархии. 6 мая 2012 года – накануне инаугурации президента Российской Федерации в Новодевичьем монастыре состоялась церемония передачи Русской Православной Церкви почитаемой Иверской иконы Божией Матери. Её возглавили избранный президент Владимир Путин, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Духовенством Московской епархии Иверская икона была перенесена крестным ходом от Преображенской надвратной церкви в Смоленский собор и установлена на селее.

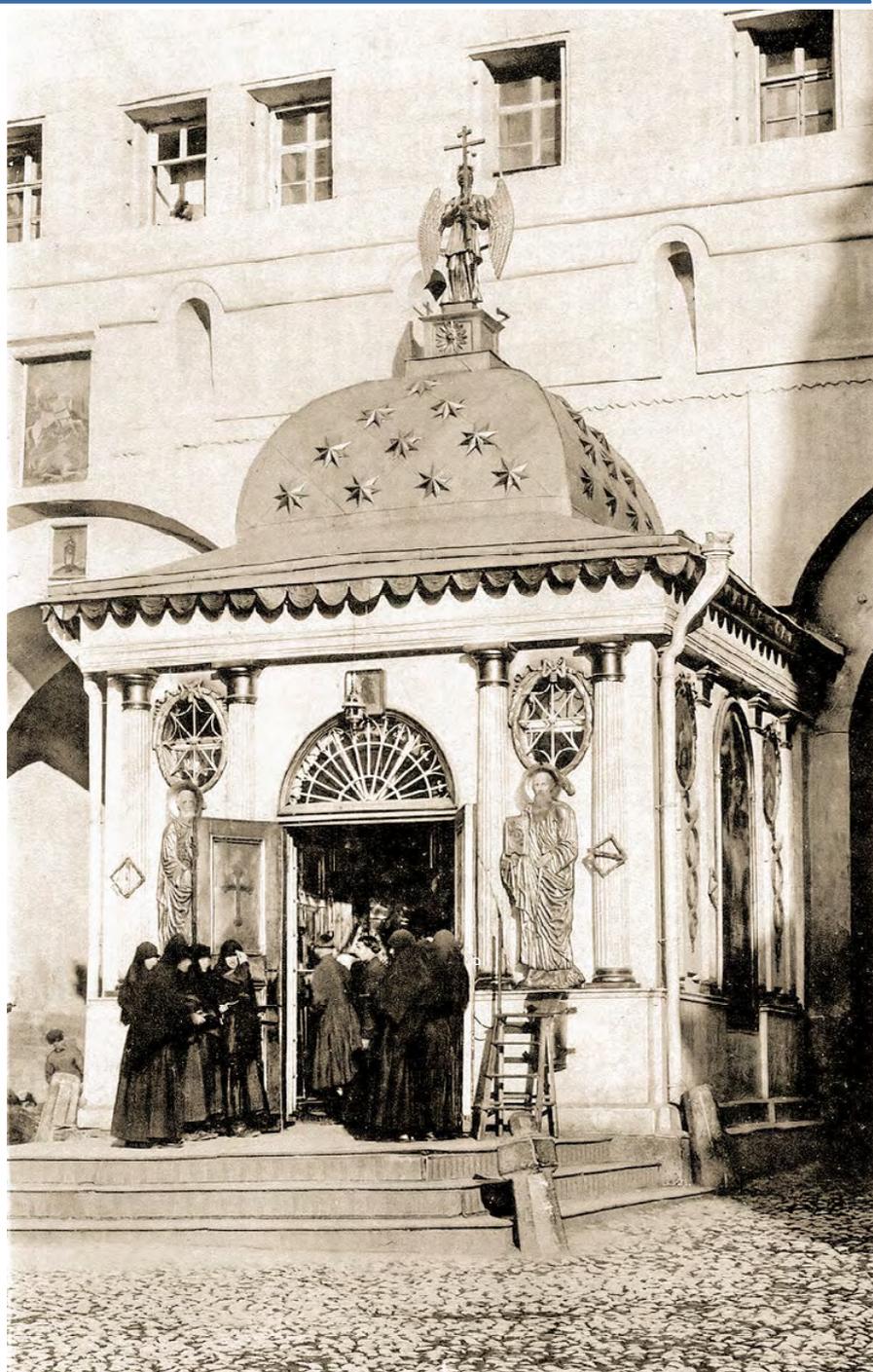
Обращаясь к собравшимся, избранный президент сказал, что с чувством радости передает Русской Православной Церкви икону, которая «сопровождала наших предков на протяжении столетий и в мирных трудах, и в ратных походах, в том числе при освобождении Смоленска в середине XVII века от иностранных захватчиков».

Первое народное моление перед возвращенной Иверской иконой Божией Матерью состоялось 24 мая 2012 года – в этот день на Васильевском спуске открывался День славянской письменности и культуры, а 6 мая отмечается как День второго обретения московского списка иконы.

Почитание иконы Вратарницы началось с момента её прибытия в Россию в 17 веке и быстро распространилось по стране. Был заказан ещё один список – патриарх Никон заказал его для Валдайского Иверского монастыря – полностью совпадавший со списком, находившимся в Новодевичьем монастыре. Второй список прибыл в столицу в 1655 году, а в 1656-м был доставлен на Валдай – в новую Иверскую обитель. В честь второго списка была установлена еще одна дата празднования – 25 февраля.

Третий список с иконы был сделан уже в Москве и отличался гораздо большим размером. Первоначально он был установлен под деревянным навесом у Воскресенских ворот Кремля, впоследствии на месте навеса была построена часовня. У москвичей сложилась благочестивая традиция – перед входом в Кремль сперва помолиться у Иверской.

Чудотворная икона духовно связывает три православных народа – греческий, русский и грузинский. Сам Иверский монастырь на святой горе Афон уже не является грузинским, но святые обители сближают чуждые их народы. Иверская икона – символ вселенского Православия, не признающего границы и национальности, ничего не значащие перед лицом вечности.

*Иверская часовня у Воскресенских ворот
(фото Карла Фишера, 1900-е)*

ВОЕВОДСКОЕ ВЛАДЕНИЕ НА КОЛОМЕНСКОЙ РЕПНЕ

Уходящая вглубь веков история церковного прихода коломенского храма Троицы на Репне довольно основательно освещена свидетельствами, позволяющими проникнуть в прошлое. Когда-то давным-давно территория, простирающаяся вокруг нынешнего Троицкого храма, находилась за городской чертой, и на ней располагались два довольно больших поселения, тянувшихся по разным сторонам Репинского озера. Это были село Окуловское со своим деревянным храмом Иоанна Предтечи и деревня Репинская.

Село и деревня искони принадлежали великим княгиням московским. Их жаловали за заслуги верным слугам великих князей московских в пожизненное пользование, но после кончины награжденных владения их потомству не отходили. Точное время их возникновения определить сложно, но уже в середине 15-го столетия их поминали в качестве владения великой княгини московской Софьи Витовтовны, которая пожаловала эти селения московскому воеводе Фёдору Басенку, отличившемуся в сражении у реки Листани зимой 1443-44 годов. Тогда поставленная на лыжи рать московского великого князя Василия Васильевича совершила быстрый переход и захватила врасплох ставшее на зимовку войско ордынского царевича Мустафы, потерявшее морозной зимой всех коней. В том сражении Фёдор Басенок отличился, «мужествовав» в сражении, за что и получил в награду село и деревеньку близ Коломны. И именно это обстоятельство превратило мирные селения в арену, на которой разворачивалась часть весьма запутанной политической интриги, завязавшейся на почве борьбы за власть в московском княжестве.

В феврале 1446-го года великий князь московский Василий Второй вместе с двумя своими сыновьями отправился на богомолье в Троицкую Лавру, взяв с собой лишь небольшой отряд воинов. Ни сам князь, ни ближайшие его бояре не подозревали, что в Москве созрел заговор, имевший целью свержение князя Василия – ближние люди князя этот заговор откровенно проспали.

Коломна. Храм Троицы на Репне

Старинная распря между князем Василием и сыном галичского князя Юрия Дмитрием, по прозвищу Шемяка, началась ещё в 1433-м году, завязавшись на почве династических споров о праве на московское княжение. Всё это время между двумя князьями старая вражда медленно тлела, время от времени выплескиваясь пламенем войны, разгореться которой не давали авторитетные иерархи церкви, выступавшие в качестве посредников. Потерпев несколько неудач в своих попытках свергнуть великого князя Василия Васильевича, князь Дмитрий бежал в свое удельное владение - Галичское княжество. Там он затаился и начал плести заговор, войдя в союз с князьями Иоанном Можайским и Борисом Тверским, планируя захват Василия и узурпацию престола. В Москве у него были свои агенты, от которых князь Дмитрий хорошо знал о всех событиях при дворе своего противника. Когда князь Василий Васильевич с небольшой охраной и сыновьями поехал на богомолье в знаменитый Троицкий монастырь, в Рузу, где стояли со своими дружинами князь Дмитрий и Иван Можайский, из Москвы сторонниками Шемяки был отправлен гонец. Получив известие от сообщников, князь Шемяка выступил к Москве и ночью 12-го февраля подошел к стенам Кремля. Участники заговора бесшумно открыли перед шемякиными людьми ворота крепости, и те ворвались в Кремль. Немедленно были захвачены дворец, дворы ближних князя Василия бояр, его казна, а так же полонены мать его и жена. К утру город был в руках узурпатора, объявившего себя великим князем.

Пока в Москве торжествовала измена, князь Василий спокойно стоял обедню при гробе преподобного Сергия Радонежского. Когда ему сообщили о событиях в Москве, он этому не поверил и приказал выслать на гору возле Радонежа лишь небольшой отряд разведчиков. Воины этой заставы, заняв позицию, вскоре увидели приближавшийся к ним со стороны Москвы обоз, состоявший из нескольких десятков крытых рогожей саней. Вид у обоза был самый мирный - шедшие за возами возчики были не вооружены, - и караульщики, сами не верившие в то, что в Москве случился переворот, на него особенного внимания не обратили.

Но, как только первые сани обоза поравнялись с заставой, как из-под рогож выскочили воины, набросившиеся на караульных, – в каждом возу прятались по два воина в доспехах. Люди князя Василия не могли ни дать достойный отпор, ни убежать, так как снег был очень глубок, а потому заставу вырезали сразу же. Освободив себе путь, посланные Шемякой воины устремились к Троицкому монастырю, который без всякого труда захватили, объявив великого князя Василия пленником. Дети князя успели сбежать из монастыря и скрылись, а сам князь Василий заперся в храме и с колокольни взывал к мятежникам, заклиная их одуматься, и не поднимать руку на законного правителя. Вышел он, когда ему обещали сохранить жизнь, и, надо сказать, не обманули. Князя Василия схватили и, бросив в простые сани, отвезли в Москву, где в ночь на 16-е февраля, его ослепили, «заплатив князю тою же монетой», за его приказ ослепить оказавшегося у него в плену брата Шемяки, князя Василия Косого. Жизнь князю Василию действительно оставили, принудив его лишь отречься от престола - дать Шемяке от себя «проклятые грамоты». Изувеченного князя отправили в Углич, который был отдан ему в удельное правление. Шемяка обманом вызвал сыновей Василия в Москву и затем отправил их к отцу в Углич, где всё семейство содержали под надежной охраной.

«Узаконив» и утвердив таким образом свою власть, Шемяка стал приводить к присяге подданных. Бояре, верные князю Василию, были разбиты войском Шемяки. Частью они сбежали в Литву, откуда родом была мать Василия, Софья Витовтовна, частью засели в своих дальних уделах. Остальные, «страху ради», стали присягать новому князю. Вслед за «большими людьми» присягнули и «малые», то есть все москвичи. Все-то все, да не совсем! Боярин и воевода Федор Васильевич Басенок, отличившийся в битве с татарами на реке Листани под Рязанью зимой 1443-44 годов, прилюдно, торжественно объявил, что не будет служить Шемяке, которого назвал «вором и хищником». За этакую дерзость воеводу Фёдора заковали в цепи и посадили в темницу. Но видно шатание в людях тогда было велико, и тою же ночью Фёдору Басенку удалось столкнуться с «приставом» – стражником, «приставленным» к нему. Тот помог воеводе расковаться и выйти из темницы. Вдвоем они бежали в Коломну, где воевода Басенок некоторое время прятался, как сказано в «Повести об ослеплении князя Василия»: «скрывался в Коломне под своим селом».

После побега к Басенку пристало немало людей «от двора великого князя», оставшихся верными плененному Василию Васильевичу, и, получив шанс бежать от Шемяки из Москвы, воспользовавшихся им.

Согласно изначальному плану беглый воевода собирался войти в город и закрепиться в кремле. Коломенская крепость тогда была много меньше нынешней. Стены её были из дерева с прослойкой плотно утрамбованной земли и рубленными из толстых бревен башнями. По тем временам - весьма солидное укрепление. Взять эту цитадель на важном торговом пути к Москве воевода, к которому присоединились некоторые сподвижники по пути к Коломне, рассчитывал «изгоном», то есть с налету - ворваться в ходе кавалерийского рейда через ворота. Но, подойдя к городу, он увидел, что их уже ждут: ворота были заперты, на стенах стояли воины, готовые к бою. Коломенский наместник Иван Фёдорович Старков объявил, что он признал власть князя Дмитрия Шемяки и будет верен ему. На штурм и осаду сильно укрепленной крепости у Фёдора Васильевич не было ни сил, ни времени. Он ограничился только тем, что разорил и пожег посад, взяв большую добычу, и, выставив вокруг кремля своих дозорных, отошел в свою коломенскую вотчину - на Репню.

За Фёдором Басенком во владении были село Окуловское и деревня Репинская - их воеводе пожаловала мать великого князя Софья Витовтовна за верную службу. Там и стал лагерем Басенок со своим отрядом. В Окуловское, где встал на своем дворе беглец, к нему стали стекаться те, кто не желал служить Шемяке - как сказано в документах: «многих он к себе служилых людей сумел привлечь».

Деревянный Коломенский кремль на картине А. М. Солодкова

Но засиживаться на одном месте им было не с руки, а потому, покуда из Москвы не пришли отряды, посланные на выручку запертому в кремле гарнизону, Фёдор Басенок «зело пограбил Коломенский уезд», обеспечив себя всем необходимым, и ушел в Литву, к родне великого князя Василия по материнской линии. Там уже крепко обосновался князь Василий Ярославович Боровский. Там в Литве, вместе с Боровским и князем Иван Васильевичем Оболенским-Стригой воевода Басенок стал готовить войско для вторжения в московские пределы.

И что же было дальше? Покуда в Литве сторонники свергнутого и ослепленного князя Василия Васильевича готовились к военному вторжению, самого Темного перевели из Углича в Вологду. Соглядатаем Шемяки удалось напасть на след заговора, следы которого вели в Литву, а потому Углич сочли недостаточно надежным местом. Просто убить князя Василия Васильевича князь Дмитрий Юрьевич не решался – его пленник выполнил все требования, а потому надлежало выполнять и свои обязательства, сохраняя ему жизнь. Нарушение данного слова могло вызвать стихийный бунт московской черни и вообще унизило бы князя. К тому же за слепого князя хлопотало духовенство, особенно рязанский епископ Иона, происходивший из галицких земель. Это был очень уважаемый православный иерарх, после смерти митрополита Фотия фактически возглавлявший русскую церковь, именуясь с 1432 «нареченным в Святейшую митрополию Русскую». С мнением владыки Ионы приходилось считаться, и потому князь Дмитрий, уступив его просьбам, отправил пленника его в Вологду. Туда же из Москвы стало уходить много народу, недовольного правлением князя Дмитрия.

Люди шли сначала к Вологде, но там надолго не задерживались и отправлялись к стенам Кирилло-Белозерского монастыря, где поселился слепой князь. Именно там, в Кирилло-Белозерской обители, свершилось тайное действо, которое подтолкнуло развитие политической ситуации в сторону реванша. Игумен монастыря Трифон совершил над князем Василием обряд «разрешения от проклятых грамот», освободив от данного под принуждением клятвы отречения от престола. Таким образом, князь Василий получил духовное право – что тогда было немаловажно – начать борьбу за возвращение власти в московском княжестве.

А. Васнецов.
Московский кремль XV век

Под его знамена сошлись многие недовольные узурпатором Шемякой, составившие целое войско. С ним князь Василий выступил в Тверь, где к нему присоединился тверской князь Борис Александрович со своим войском. Туда же явился отряд татар во главе с одним из ханов - союзником князя московского. Эта армия устремилась к Волоколамску, где им готовился дать бой Шемяка. Туда же двинулись из Литвы отряды, ведомые князьями Боровским, Стригой и воеводой Басенком.

Но, прежде чем войска сошлись, князь Василий приказал боярину Плещееву, взяв немногих людей, пробраться в обход войск Шемяки к Москве, и попытаться овладеть городом. Обойдя шемякинские кордоны, ночью, перед самым Рождеством 1446-го года, Плещеев со своими людьми был уже в городе, незаметно подобравшись к самому Кремлю. Затаившись в улочках посада, они стали ждать удобного случая для атаки ворот крепости.

Как только на колокольнях просыпавшейся Москвы зазвонили к заутрене, одна из княгинь, направлявшаяся в Собор на службу, подъехала к Никитским воротам Кремля. Стража распахнула перед нею ворота, и тут же Плещеев приказал своим людям атаковать. Он практически повторил то, что десятью месяцами ранее проделал Шемяка, только теперь не поздней ночью, а ранним утром: всадники Плещеева ворвались в Кремль, внезапно напав на неготовых и немногочисленных дружинников Шемяки, оставленных в крепости. В течение получаса они перебили большую часть кремлевского гарнизона, полонив всех остальных. Наместник Шемяки бежал из церкви, а наместник Ивана Можайского попался - его, вместе с остальными боярами, служившими узурпатору, «заковали в железа». Город опять поменял своего владельца.

Как только известие о захвате Кремля дошло до Волоколамска, Шемяка, имея перед собой соединенные силы союзников князя Василия, а в тылу шедшее скорым маршем к Волоколамску ополчение, собранное Плещеевым, почел за благо ретироваться, захватив в заложницы мать Василия. Он отправился в Галич, а оттуда в Каргополь. В 1447-м году он вошел в контакт с боярами близкими к князю Василию, и через них вымолил у него прощение, выслав от себя уже «проклятые грамоты» и уступив князю многие из своих прежних владений.

За верную службу воевода Басенок был «много награжден», и его вместе с князем Обленским-Стригой назначили воеводами в Кострому. В это время неугомонный князь Дмитрий Юрьевич снова принялся за свое, заведя тайные переговоры с царем казанским, представителями Новгорода и старым своим союзником в борьбе за московский престол князем Иваном Можайским. При этом он потихоньку совершал грабительские налеты на владения соседей, пополняя свою казну. Наконец, собравшись с силами, князь выступил открыто и в 1449-м году пошел на Кострому. Это его нападение парировали опытные воеводы Басенок и Стрига, лихо отразившие приступ шемякинских дружин.

Оба воеводы в 1450-м году командовали отрядами во время кровавой битвы под Галичем, где им противостоял Шемяка. Потери с обеих сторон были огромны, но даже артиллерия не помогла Шемяке, и войско московского князя одержало решительную победу.

Князь Дмитрий ретировался в Новгород, отсиделся там и через несколько месяцев явился с тремя сотнями воинов в Устюг. Оттуда он пошел к Вологде, но был отбит и вернулся в Устюг, который сделал своей штаб-квартирой и укрепленным лагерем.

Князь Василий в 1452-м году был занят войной с казанским царем, и послал Басенка и Стригу с их отрядами брать Устюг у Шемяки. Осада была недолгой, и Шемяка снова бежал на Двину, а оттуда в Новгород.

В конечном итоге управу на князя Дмитрия Юрьевича Шемяку нашли не на поле боя. С ним расправились потихоньку, тайно, поручив это деликатное дельце московскому дьяку Степану Бородатому. Посланец московского князя тайно приехал в Новгород и там нашел ближнего боярина Шемяки, Котова, посулив тому прощение князя Василия и всякие милости, если тот сослужит требуемую службу. Боярин Котов, видя, что его патрон проигрывает войну, охотно пошел на сделку. Он подговорил повара Шемяки и передал ему яд, полученный от Степана Бородатого. Кухарь приправил ядом жареную курочку, покушав которой мятежный князь Дмитрий Шемяка без покаяния отправился в мир иной, держать ответ за свои земные дела.

Но и после кончины злейшего врага князя Василия, воевода Басенок не знал покоя – в то же самое время, пока воевали внутри Руси с Шемякой, извне нападали хан ногайской орды Сеид-Ахмад, война с которым, не прекращалась с 1448-го года. В 1455-м году войско ногайских татар под предводительством сына хана Сеида-Ахмада, царевича Салтана, подошло к переправам на Оке и ворвались в Подмосковье, грабя и опустошая селенья. Захватив много добычи и взяв большой полон, татары двинулись обратно к бродам, чтобы уйти в степь. Великий князь выслал вслед им своих сыновей Ивана и Юрия с войском, но их опередил отряд воеводы Басенка, который настиг царевича Салтана возле Коломны и наголову разбил его войско, погнав его до самых окских бродов. Татары бежали, бросив всю добычу и всех пленников.

Все эти службы вкупе с явленной преданностью воеводы Басенка приблизили его к князю Василию Темному, который тем временем стал болеть и почел за благо составить «духовную грамоту». В качестве свидетелей при этом важнейшем деле были четверо самых близких ему бояр, и среди них Басенок. В той духовной был помянут и он сам: князь Василий подтвердил его право на пожизненное владение коломенским селом Окуловским и деревней Репинской.

Имеются сведения, что затем Басенок какое-то время был посадником в Суздале, но совсем не долго. С момента восшествия на великокняжеский престол сына умершего князя Василия Темного минуло чуть более пяти месяцев, когда воеводу Басенка постиг гнев великого князя Ивана Третьего. Неизвестно за какую именно провинность грозный владыка 27 августа 1463 года приказал ослепить старого вояку. После этой экзекуции Фёдор Васильевич принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре, где и прожил свои последние 17 лет, скончав свои дни около 1480 года. Его коломенские имения после пострижения отошли великой княгине Марии Ярославовне, умершей четырьмя годами позже воеводы.

Валерий Ярхо.

РЕСПУБЛИКА БЕСПРИЗОРНЫХ

В номере 11 за август 2019 года была опубликована статья об истории заведений для трудных подростков в нашем государстве – от румянцевских приютов до школы имени Достоевского – знаменитой «Республики ШКИД». Статья получила немало положительных откликов и тем интереснее будет совершить исторический экскурс – а как обстояло дело перевоспитания в других странах? Ведь не секрет, что отечественные педагоги черпали идеи с оглядкой на коллег по ту сторону границы.

Попытки найти способ перевоспитания молодых преступников предпринимались неоднократно и в разных странах. Если за дело бралось государство, то в большинстве случаев эти эксперименты терпели неудачу - из «исправительных заведений» разного типа на волю выпускались озлобленные молодые преступники, пополнившие в этой «академии» свои профессиональные умения. Удачи реабилитации малолетних уголовников были редки, но всё же случались. Как правило, успех приходил, когда во главе дела вставал человек, готовый положить свою душу на алтарь доброго дела. Одним из таких добрых людей был знаменитый американский филантроп Вильям Джордж, который в 1889-м основал колонию для детей, считавшихся «погибшими для общества». Он выкупил землю близ городка Фредовидь в штате Нью-Йорк, где поселил несколько десятков отобранных в различных учреждениях штата молодых людей, которым была предложена альтернатива тюремному сроку. Колония была только для юношей. Начали они со строительства, построив три больших деревянных дома. Необходимыми инструментами и материалами их обеспечил основатель колонии. Так же сами, питомцы Джорджа изготовили самую необходимую мебель. Потом пришел черед школы – её выстроили и оборудовали тоже своими силами. Учеба была обязательным условием пребывания в колонии.

В ходе этих работ совершенно естественным путем возникли несколько мастерских, в которых до полного совершенства изучали столярное, плотницкое, слесарное, портняжное дело и ещё множество ремесел. Вокруг колонии разбили сад, позже завели скот – это было сделано для тех, кого тянуло к крестьянскому труду.

Вильям Джордж предложил воспитуемым самим писать для себя законы и следить за их исполнением - так в стенах приюта для беспризорников возникла «Республика уличных детей», бессменным президентом которой первые 11 лет был сам отец-основатель Вильям Джордж. В 1900-м году, видя, что воспитанники «доросли», Вильям Джордж добровольно сложил с себя полномочия и предложил детям самим избирать для «Республики» президента из числа «граждан», каковым считался любой мальчик, достигший 12-ти лет.

«Гражданин» пользовался всеми правами «Республики»: мог избирать, быть избранным, исправлять любую общественную должность, получать за свою работу вознаграждение, из которого оплачивать свое содержание. Для того, чтобы «занять должность», нужно было пройти курс обучения и сдать экзамен. Все хозяйственные работы исполнялись воспитанниками и оплачивались из кассы «Республики»: «граждане» исполняли заказы в мастерских, топили печи, готовили на кухне, убирались, стирали и т.д., получая плату. Так детей приучали зарабатывать себе на жизнь, разумно расходовать деньги, обращаться с ними аккуратно. Этим нарабатывался навык самостоятельной жизни, чтобы, оказавшись на воле, они не растерялись.

Покидать фредовильское заведение «гражданам» было запрещено – уход расценивался как побег и в случае поимки карался отправлением в тюрьму для малолетних преступников. Но по достижении 21-го года (это возраст совершеннолетия в США) «республиканцы» становились совершенно свободными.

В 1914-м году, когда отмечалось четверть века существования «Республики», была опубликована статистика: за это время выпущено было 7000 человек, и лишь 47-мь из них снова стали уголовниками.

Несмотря на явные успехи этого и ряда других методов возвращения детей из криминальной среды, они так и остались уделом отдельных энтузиастов, создающих островки добра. В Советской России попытались перенять этот положительный опыт перевоспитания в трудовых коммунах, но особенного развития этот метод не получил, хотя из нескольких коммун действительно вышли вполне «очистившиеся от скверны» молодые люди.

Эти педагогические удачи прославлены в книгах и фильмах («Путевка в жизнь», «Педагогическая поэма», «Республика ШКИД»), но ни в одной из них не рассказывалось о том, что стало с этими заведениями в дальнейшем. Для успеха дела требовалась личность руководителя, всего себя отдающего детям, а это редкость и в куда более изобильных, культурных и добрых обществах, нежели Советская Россия.

Главным противником такого метода воспитания стала вдова покойного большевистского вождя Ленина Надежда Константиновна Крупская, которая невесть с чего вообразила себя выдающимся педагогом, знающим, как именно надо воспитывать «новых людей». Именно мнение Крупской уничтожило «Республику ШКИД» - ленинградскую Школу-коммуна имени Достоевского, основанную педагогом-психологом Виктором Николаевичем Сорокой-Росинским. Товарищ Крупская обрушила свой высочайший гнев на ШКИД: «не в Чухломе какой-нибудь, а в Ленинграде процветает советская бурса, руководимая людьми, работа которых ничего общего с задачами, поставленными советской властью, не имеет... Бурс, хотя бы они и называли себя советскими детдомами, нам не надо». После чего легендарный Викниксор был уволен, а созданное им заведение было «приведено к норме», т.е. фактически деградировало.

Та же волна уничтожила колонию-коммуна им. Горького, созданную Антоном Семеновичем Макаренко - товарища Крупскую возмутило самоуправление, власть общего собрания воспитанников и ротация командиров отрядов. По мнению Надежды Константиновны, это противоречило практике большевистской педагогики. В 1928 году Макаренко сняли с должности директора созданной им коммуны, а от ареста его спасло покровительство руководителя украинского НКВД Балицкого, который перевел А.С. Макаренко в воспитательную коммуна им. Дзержинского под Харьковом. Там опыт был повторен с ещё большим успехом – на заводе, созданном при трудкомуне имени Ф.Э. Дзержинского, бывшие беспризорники освоили выпуск фотоаппарата «ФЭД», который являлся точной и очень удачной копией немецкой популярной камеры «Leica II». Это было сложное производство высокой точности. Изначально никто не верил, что недавние бродяжки и уголовники способны на такое дело. А у них получилось! Но... В середине 1930-х, «из производственной необходимости», Макаренко был отстранен от заведования коммуной, а созданный им харьковский завод, на котором трудились воспитанники, передали военному ведомству. Фактически этим эксперимент Макаренко и кончился.

Ещё более печальная судьба ждала создателей Болшевской коммуны, о которой был снят культовый советский фильм «Путевка в жизнь». Эта коммуна беспризорников создавалась под эгидой наркома НКВД Генриха Ягоды, и после того как весной 1937 года он был снят с постов и арестован, все его ближайшие сотрудники, а также многие подшефные попали под подозрение в сотрудничестве с врагом народа. Следствием этого стали аресты руководителей коммуны и её активистов-воспитанников. Сама коммуна в том же 1937 году была закрыта.

Трудовые коммуны, а вернее миф о них, сделались пропагандистским жупелом - на деле же местом «массовой перековки молодых преступников» были определены лагеря зловещей организации ГУЛАГ. Туда малолеток стали загонять наравне со взрослыми, снизив возрастной ценз полной уголовной ответственности до 12-ти лет, что позволяло применять к детям все виды наказаний «вплоть до высшей меры». В стране победившего социализма всегда тяготели «к простым и очевидным решениям», которые приводили к сложным и трудно предсказуемым последствиям.

Валерий Ярхо.

КАРТИНА ВАСИЛИЯ СУРИКОВА «БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА»

По голубому московскому снегу неспешно едут розвальни. Закованная в цепи женщина в черном одеянии властно вскидывает руку. Кому не знакома картина «Боярыня Морозова» Василия Сурикова? Наивный вопрос. Впервые показанная на 15-й выставке передвижников 1887 года, картина стала классикой русской живописи еще при жизни автора. Выходец из Сибири, Суриков был хорошо знаком с сибирским старообрядчеством, читал рукописные «жития», передаваемые из рук в руки. С «Повестью о боярыне Морозовой» Сурикова познакомила его крестная, когда будущий художник учился в красноярском уездном училище.

ИСТОРИЯ

Церковный раскол XVII века, как огонь, распространился по стране. Жестокость патриарха Никона и его нежелание идти ни на какие компромиссы вызывали ответное сопротивление старообрядцев. Во главе противников церковной реформы встал протопоп Аввакум. Одной из духовных учениц Аввакума стала дворовая¹ боярыня Феодосия Прокофьевна Морозова – дочь окольникового² Прокофия Феодоровича Соковнина. Семнадцати лет Феодосия была отдана замуж за царского спальника Глеба Ивановича Морозова, от которого родила единственного сына – Ивана Глебовича. Тут уместно сделать отступление и пояснить, каким же весом пользовался род Морозовых в то время.

Бояре Морозовы в XV-XVI веках имели исключительно высокое положение. Во временной промежуток от царствования Ивана III до Смутного времени из этого старинного рода вышло порядка тридцати думных, окольниковых и бояр. Ко временам царствования первых двух Романовых род Морозовых весьма поредел, но сохранил свое высокое положение при дворе. Должность стольника означала, что её обладатель является комнатным, домашним, самым приближенным к царю человеком. Родной брат Глеба Ивановича – Борис Иванович Морозов был пожалован в бояре в 1634 г., в связи с назначением в дядьки к царевичу Алексею Михайловичу. Когда в 1645 г. Алексей по семнадцатому году венчался на государство, его пестун стал временщиком, «сильным человеком». Как тогда выражались, царь «глядел у него изо рта». Борис Иванович же и устроил свадьбу Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской, происходящей из не слишком солидного рода. Хитроумный боярин спустя всего лишь десять дней сочетался браком с сестрою царицы Анной Ильиничной, таким образом стал свояком царя и извлек из такого завидного положения всё, что можно. Например, к началу 1650-х годов за Борисом Морозовым числилось 7254 крестьянских двора – неслыханная цифра! Столько же дворов было разве что у царского дядьки Никиты Романова, у князя Якова Черкасского да у «именитых людей» Строгановых.

¹ Дворовая боярыня, верховая боярыня — дворовой чин, в который избирались обычно вдовы, в основном из родства цариц или же по заслугам из придворных женщин меньшего чина, преимущественно из казначей, реже и из кормилиц, после долгой и испытанной службы. Дворовым (верховым) боярыням принадлежало первое место в женском штате при дворе. Их чин равнялся с более поздними статс-дамами или фрейлинами.

² Окольниковый — придворный чин и должность в Русском царстве в XIII—XVIII веках.

В Толковом словаре живого великорусского языка у В. Даля, Окольниковый — чин приближенного к царю, по службе, лица, второй сверху по чину. С середины XVI века — второй (после боярина) думный чин Боярской думы. Окольниковые возглавляли приказы, полки, назначались в дипломатические миссии, и так далее.

Будучи одним из виновников Соляного бунта, тем не менее Борис Морозов деятельно стремился к преобразованиям страны, интересовался техническими и культурными достижениями Европы, нанимал на службу иностранных специалистов. Младший брат его Глеб Иванович не мог похвастать столь же блестящей карьерой, хотя изначально обладал всеми к ней предпосылками: оба брата были назначены дядьками к царевичам Романовым. Увы, царевич Иван Михайлович умер пяти лет от роду – он стал первым Романовым, погребенным в усыпальнице кремлевского Архангельского собора. С той поры карьера Глеба Романова всецело зависела от его старшего брата. В 1662 году умирает Борис. Умирает бездетным, и ему наследует младший брат Глеб, чья жизнь тоже вскоре завершится. Малолетний наследник Иван Глебович в силу раннего возраста не мог распорядиться огромным состоянием и фактической распорядительницей наследства стала Феодосия Прокофьевна - боярыня Морозова. Вдовство застало её в тридцать лет – в расцвете красоты и сил.

Историк Владимир Соловьёв описывает богатство боярыни: "Дома прислуживало ей человек с триста. Крестьян было 8000; друзей и сродников множество много; ездила она в дорогой карете, устроенной мозаикою и серебром, в шесть или двенадцать лошадей с гремющими цепями; за нею шло слуг, рабов и рабынь человек сто, оберегая ее честь и здоровье". Не мудрено: при дворе «Тишайшего» царя Алексея Михайловича боярыня пользовалась едва ли меньшим уважением, чем её почивший супруг. Однако мирские ценности занимали молодую вдову всё меньше: её дом становился пристанищем для нищих, странников, калек, среди которых было немало старообрядцев. Внешне соблюдая придворные приличия, посещая церковь, боярыня душою склонялась к старообрядчеству. Духовным отцом для неё стал мятежный протопоп Аввакум. Учитывая вес Морозовых при дворе, высокое общественное положение, несметное богатство, становится понятным, отчего Аввакум видел нечто исключительное в отречении Морозовой от «земной славы». Восхищаясь ею и сравнивая свой подвиг с подвигом Морозовой, Аввакум пишет: «Не дивно, яко 20 лет и единое лето мучат мя: на се бо зван есмь, да отрясу бремя греховное. А се человек нищей, непородней и неразумной, от человек беззаступной, одеяния и злата и сребра не имею, священническа рода, протопоп чином, скорбей и печалей преисполнен пред господем богом. Но чудно о вашей честности помыслить: род ваш, — Борис Иванович Морозов сему царю был дядька, и пестун, и кормилец, болел об нем и скорбел паче души своей, день и ночь покоя не имущее».

С Аввакумом Морозова виделась и лично - во время его пребывания в Москве, но основное общение наставника с духовной дочерью шло через письма. И все же в первые годы старообрядчество Феодосии Прокофьевны было не столь явным: да, она покровительствовала старообрядцам, поддерживала их финансово. Носила власяницу, молилась дома по старым книгам, переписывалась с отправленным в дальний Пустозерск Аввакумом. Судя по заметкам Аввакума, во время пребывания в Москве он общался и с нею: «У света моей, у Федосьи Прокопьевны Морозовы, не выходя жил во дворе, понеже дочь мне духовная, и сестра ее, княгиня Евдокея Прокопьевна, дочь же моя. Светы мои, мученицы Христовы! И у Анны Петровны Милославские покойницы всегда же в дому был». Царь Алексей Михайлович, несомненно, знал об этом – по всей видимости монарху сообщала свояченица Анна Ильинична. Алексей Михайлович пытался воздействовать на вольнодумную боярыню и через родственников, лишая её части вотчин. Волнение царя вполне объяснимо: представительница знатнейшего рода, одна из богатейших женщин страны – и вдруг поддерживает старообрядцев, являющихся оппозицией официальной власти! Большой заступницей Морозовой была царица Мария Ильинична, печаловавшаяся, то есть ходатайствующая за Морозову. И все же, пока боярыня соблюдала «малое лицемерие»- то есть открыто не вступала в противоборство и приличия ради ходила в никонианский храм, Алексей Михайлович довольствовался и этим.

В 1669 году умирает царица Мария Ильинична. Годом позже Морозова принимает тайный постриг с именем Феодора. Теперь уже нет места «малому лицемерию» и уже 22 января 1671 года она не прибыла на свадьбу царя с Натальей Кирилловной Нарышкиной, сославшись на плохое самочувствие: «Ноги ми зело прискорбны, и не могу ни ходити, ни стояти». На Алексея Михайловича отговорка не подействовала, и Феодосия Прокофьевна перешла в разряд открытых врагов царя – было очевидно, что Феодосия не захотела на предстоящей свадебной церемонии подходить под благословение архиереев и называть царя «благодарным» - ведь, по ее мнению, царь-никонианец от веры отступил. Заодно с Феодосией была и её младшая сестра Евдокия – в замужестве Урусова. "Сумасбродная люта", - говорил царь Алексей Михайлович о Морозовой, считая сестру ее, Евдокию, смиренной; но эта смиренная, однако же, поддерживала "лютую" своею твердостью. В последних попытках образумить сестер и уговорить их принять церковную реформу, Алексей Михайлович посылал с уговорами боярина Бориса Троекурова, затем мужа Евдокии боярина Петра Урусова. Щекотливость ситуации усугублялось еще и тем, что Урусов приходился царю троюродным братом: раскольники были таким образом не только в боярстве вообще, но и в числе царской родни. Поэтому, когда обе сестры ответили решительным отказом, терпению царя тоже наступил предел. В ночь на 16 ноября 1671 года в дом Морозовой, что находился близ Вознесенского и Чудова монастырей, явились архимандрит Чудова монастыря Иоаким (впоследствии Патриарх Московский) и думный дьяк Иларион Иванов – для допроса. Сестры Феодосия и Евдокия уже, по всей видимости, знали о предстоящем допросе. Чтобы показать свое неуважение к последователям Никона, гостей они встретили лёжа: Феодосия – на пуховике под иконою Феодоровской Божией Матери, а Евдокия – в чулане. На вопросы, как боярыни крестятся и молятся, обе дали ответ, что не приемлют новых правил. Об этом было доложено царю, заседавшему в Грановитой палате, обе боярыни были арестованы, закованы в железо и посажены под стражу в подклет дома Морозовых. Боярин Петр Урусов ничем помочь жене уже не мог. В ходе допроса крутицкий митрополит Павел поставил перед Морозовой вопрос: «В краткости вопрошаем тя, — по тем служебником, по коим государь царь причащается и благоверная царица и царевичи и царевны, ты причастиши ли ся?». Боярыня Феодосия ответила не просто отрицательно, но в высшем смысле грубо: «Не причащусь; знаю, что царь причащается по развращенным служебникам Никонова издания. Враг божий Никон своими ересями как блевотиною наблевал, а вы ныне то сквернение его полизаете; явно, что и вы подобны ему».

Сестер заключали порознь в разных местах: то в Печерское подворье на Арбате, то в Алексеевский монастырь на Чертолье, то в Крутицы. Владимир Соловьев упоминает о заступничестве патриарха Питирима: тот стал просить за сестер царя:

«Я советую тебе боярыню ту Морозову вдовицу, кабы ты изволил опять дом ей отдать и на потребу ей дворов бы сотницу крестьян дал; а княгиню тоже бы князю отдал, так бы дело то приличнее было. Женское их дело; что они много смыслят!» «Давно бы я так сделал, - отвечал царь, - но не знаешь ты лютости этой женщины. Как поведать тебе, сколь поругалась и ныне ругается Морозова та! Много наделала она мне трудов и неудобств показала. Если не веришь моим словам, изволь сам испытать; призови ее к себе, спроси, и сам узнаешь ее твердость, начнешь ее истязать и вкусишь приятности ее». И действительно, Патриарх «вкусил приятности» ее и отступился: попытавшись убедить Морозову словесно и помазать её елеем, он встретил столь яростный отпор, что, по свидетельству автора «Повести о боярыне Морозовой», ревел в гневе как медведь и призывал сжечь боярыню. После этого Феодосия Морозова и Евдокия Урусова, а также их сподвижница, жена стрелецкого полковника Мария Данилова, были подвергнуты пыткам. В гневе государь даже рассматривал идею сжечь мятежную Морозову в срубе (именно такую участь принял в 1682 году Аввакум), но бояре не решились поддержать такую решительную инициативу – получился бы опасный прецедент.

Тем временем в 1672 году скончался Иван Глебович – единственный сын Морозовой. Причина смерти осталась неясной, в «Повести о боярыне Морозовой» упомянуто, что-де отрок «от многия печали впаде в недуг». Оба брата боярыни – Федор и Алексей – были сосланы в дальние городки Чугуев и Рыбное на воеводство – фактически в ссылку. Имение Морозовых было разорено, имущество распродано. Аввакум писал из ссылки: «А боярню ту Федосью Морозову и совсем разорили, и сына у нея уморили, и ея мучат; и сестру ея Евдокею, бывше батогами, и от детей отлучили и с мужем розвели, а ево, князь Петра Урусова, на другой-де женили. Да что-петь делать? Пускай их, миленьких, мучат: небеснаго жениха достигнут.» В итоге сестры были сосланы в Боровск, где и окончили свои дни от истощения и голода. Евдокия Урусова скончалась 11 сентября 1675 года, Феодосия Морозова пережила её на месяц – её смерть наступила в ночь с 1 на 2 ноября.

ПОЛОТНО. На 15-й выставке передвижников, которая состоялась в 1887 году, внимание Петра Михайловича Третьякова привлекла картина Василия Сурикова «Боярыня Морозова». За полотно меценат выложил 25 тысяч рублей – очень высокую цену. По задумке мецената, «Боярыня Морозова» должна была дополнить уже имеющиеся в галерее полотна «Утро стрелецкой казни» и «Меншиков в Березове», написанные Суриковым в 1881 и 1883 годах – она завершила бы творческий путь художника, проделанный в 1880-е годы. Размеры полотна достаточно внушительные - 304 на 587,5 см. К моменту создания размерами её превосходили лишь «Явление Христа народу» Александра Иванова и «Последний день Помпеи» Карла Брюллова. В настоящее время «Боярыня Морозова» экспонируется в Государственной Третьяковской галерее.

ФЕОДОСИЯ МОРОЗОВА. По воспоминаниям Сурикова, идею главной героини ему подсказала увиденная как-то ворона с черным крылом, бьющаяся о снег. Написав практически всю картину, художник долго не мог найти тот самый верный образ главной героини. Было сделано немало эскизов и набросков Морозовой, но Суриков оставался недоволен. Наконец, подходящий образ был срисован с женщины-старообрядки, встреченной Суриковым у Рогожского кладбища³. По другой версии, прототипом боярыни стала тётка Сурикова — Авдотья Васильевна Торгошина. Морозовой – всего лишь 39 лет, но выглядит она гораздо старше – требовалось подчеркнуть её аскетизм. Оставшись молодой тридцатилетней вдовой, она «томила» тело власяницей, но и власяница не всегда помогала. «Глупая, безумная, безобразная, — писал ей Аввакум, — выколи глазища те свои челноком, что и Матридия». Аввакум имел в виду пример преподобной Матридии, житие которой боярыня знала по Прологу. Героиня этого жития выколола себе глаза, чтобы избавиться от любовного соблазна.

³ Рогожская слобода – исторический район Москвы, возникший в конце XVI века, традиционное место поселения старообрядческих купеческих семей, ставшее духовным центром московского старообрядчества. Это центр Русской Православной Старообрядческой церкви, духовный центр одной из ветвей старообрядчества – поповства белокриницкого согласия.

Рука боярыни воздета вверх – старообрядческое двуперстие подчеркивает несломленную волю женщины. Сам момент картины – боярыню везут в Печерский монастырь, в новое место заточения. Видно, что, поднимая руку, Морозова смотрит не на толпу, а поверх её.

Сани проезжали мимо Чудова монастыря, где в тот момент мог находиться царь, наблюдавший за происходящим. Именно к Алексею Михайловичу и обращен взор Морозовой, для него поднята рука с двумя перстами. В «Повести» упомянут этот момент: «И везена бысть мимо Чюдов под царския переходы. Руку же простерши десную свою великая Феодора и ясно изобразивши сложение перст, высоко вознося, крестом ся часто ограждаше, чепию же такожде часто звяцаше. Мняше бо святая, яко на переходех царь смотряет победы ея, сего ради являше себе не точию стыдетися ругания ради их, но и зело услаждатися любовию христовою и радоватися о юзах».

Опальная боярыня изображена в черной бархатной шубе, которая оттеняет её бледное, изможденное лицо. На руках – кандалы, соединенные цепью. Суриков не изобразил еще одну цепь, которая налагалась на шею и соединялась с деревянной колодой – «стулом», лежащей на санях. В конце XIX века такие кандалы уже не применялись, и художник изобразил их в более привычном, современном ему виде. Боярская одежда недолго будет оставаться на Феодосии Прокофьевне – вскоре сестёр подвергнут пыткам на дыбе, огнем, холодом, а богатые одежды заменят на рогожу. Привыкшую ездить в дорогих экипажах боярыню нарочито везут на крестьянских санях, чтобы подчеркнуть унижение. На правой руке Морозовой, повыше кандалов, четки-лестовка, по которым обычно молились старообрядцы - лестовка символизировала лестницу духовного восхождения.

Образ Морозовой – непокоренная вера, смелость, убежденность. Можно назвать её веру фанатичной, но именно в изначальном смысле этого слова: фанатик (от греческого «танатос» - смерть) – человек, готовый отдать жизнь ради своей веры.

ЕВДОКИЯ УРУСОВА. Младшая сестра Феодосии – Евдокия Прокофьевна, урожденная Соковнина. К сожалению, даже влиятельный муж Евдокии – Петр Урусов, приходившийся троюродным братом царю Алексею Михайловичу, отмеченный участием в рижском походе царя и боевых действиях против Стеньки Разина, ничего не мог предпринять для защиты своей супруги.

Евдокия, как и сестра, одетая богато, идет у саней в сопровождении стрельца. Скоро ее разлучат с Феодосией и уведут в Алексеевский монастырь, где она будет содержаться до пыток. В монастыре Евдокия отказывалась ходить на службы в никонианскую церковь – смотрящим за ней женщинам приходилось носить её или тащить волоком. От брака у Евдокии осталось две дочери и сын, с которыми она вела переписку из тюрьмы. Старшая дочь Анастасия позже решила стать миссионером.

СОЧУВСТВУЮЩИЕ И СМЕЮЩИЕСЯ.

Раскол потому и называю расколом, что он разделяет общество на две противоборствующих стороны. Русское общество, неделимое в своей вере и ревностно оберегавшее Православие, было действительно расколото надвое реформой патриарха Никона. Историки Церкви сегодня, по прошествии столетий сходятся во мнении, что действительно были предпосылки для такой реформы: необходима была унификация церковных обрядов, книги требовали исправления из-за огромного количества неточностей, опечаток и расхождений. Но реформа, затрагивающая сферу религии, никоим образом не должна была проводиться, во-первых, поспешно, а во-вторых – столь грубыми методами. Неудивительно, что без должной подготовки и разъяснений изрядная часть патриархального, уважающего традиции старины общества восприняло нововведение «в штыки». Для приверженцев старой веры сестры Феодосия и Евдокия стали мученицами – поэтому в правой части картины, где изображен народ небогатый, персонажи сочувствуют боярыне. Левая часть – смеющаяся, торжествующая. Знатные горожане, видимо, радуются наказанию, павшему на непокорившихся царской воле: инакомыслие при дворе осуждается, инакомыслящие наказываются.

Интересный факт: 15-я передвижная выставка собрала более 30 откликов в прессе. «Боярыню Морозову» похвалили лишь трое критиков: Ставов, Гаршин и Короленко. Остальные отзывы были скорее негативными: в картине увидели намек на сложившуюся к тому времени революционную ситуацию в Российской Империи. Кстати, картину оценили народовольцы, стоявшие на радикально-оппозиционной позиции.

ЮРОДИВЫЙ. В поисках образов для своих картин Суриков в буквальном смысле мог гоняться за подходящими типажам по улицам, стремясь запечатлеть нужного персонажа в наиболее подходящей обстановке. Поэт Максимилиан Волошин, написавший книгу о Василии Сурикове⁴, так описывал стремление художника приблизиться к реальности: «-Если бы я ад писал, то и сам бы в огне сидел, и в огне позировать заставлял».

⁴ Волошин М. «Суриков». Л.: «Художник РСФСР», 1985 г.

Юродивый, или, иначе, блаженный, сидит на снегу и поднимает правую руку, приветствуя боярыню тем же двуперстием. На него не обращают внимания – нищий, сумасшедший, что с него возьмешь? Юродивых вообще не обижали – даже царь Иван Грозный не поднимал руки на Василия Блаженного, порой высказывавшего государю совсем неприятные слова.

На плечах юродивого тяжелые железные цепи - вериги - которые накладывали на себя добровольно ради смирения плоти. В поисках нужного образа Суриков обратил внимание на уличного торговца огурцами. Торговец был усажен на снег - так родился нужный эскиз. Чтобы натурщик не отморозил босые ноги, художнику пришлось растирать их водкой. За работу продавец огурцов получил три рубля, из которых первым делом нанял лихача за рубль и семьдесят пять копеек.

СТРАННИК. Странник смотрит вслед боярыне, грустно склонив голову и сняв шапку. Он сочувствует, будучи, по всей видимости, тоже старообрядцем – на это косвенно указывает лестовка на его руке - такая же, как и у Морозовой. Странники-паломники не перевелись на Руси и во времена Сурикова – позировать он попросил одного из таких персонажей-переселенцев, встреченного близ Красноярска. Впоследствии художник решил изменить поворот головы, но паломника было уже не найти. Поэтому некоторые черты Сурикову пришлось писать с себя.

Посох в руках странника тоже имеет реальный прообраз. Художник увидел его у старушки, шедшей на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру. Он вспоминал: «-Я схватил акварель да за ней. А она уже отошла. Кричу ей: «Бабушка! Бабушка! Дай посох!» А она и посох-то бросила — думала, разбойник я».

СТАРУХА И ДЕВУШКИ. Старуха и две девушки рядом с нею в цветастых платках - тоже приверженки старой веры. Типажи Суриков нашел в старообрядческой общине близ московского Преображенского кладбища. Художник там бывал часто и ему соглашались позировать. «Нравилось им, - вспоминал Суриков - Что я казак и не курю». У одной из девушек завернут край золотого платка – намек на то, что перед этим девушка низко поклонилась проезжавшей боярыне.

Из-за спины поклонившейся девушки испуганно смотрит молодая монахиня – образ был списан со знакомой – дочери

священника, готовящейся к монашескому постригу.

ЦЕРКОВЬ. Неподалеку от дома, где жил Суриков стоит храм Николая Чудотворца в Новой Слободе – на Долгоруковской улице. Принимая во внимание тот факт, что руку с двуперстием Морозова поднимала, проезжая мимо Чудова монастыря, церковь в Новой Слободе оттуда не могла быть видна. Вероятно, поэтому очертания храма туманны.

Известно, что по первоначальной задумке на картине должны были быть изображены здания Кремля, но впоследствии Суриков отказался от идеи, переключив внимание на персонажей картины.

СМЕЮЩИЕСЯ СВЯЩЕННИК И КУПЕЦ.

Образ священника был списан с дьякона Троицкой церкви красноярского села Сухобузимского Варсонофия Семеновича Закоурцева. В детские годы Суриков проживал в селе и был знаком с дьячком.

Знать, не давшая царю сжечь Морозову, защищала не её лично, а сословные привилегии, опасаясь прецедента. Но, убедившись в том, что дело Феодосии Морозовой и её сестры для знати безопасно, что оно «не в пример и не в образец», от боярыни отреклись – заблудшая овца стала паршивой овцой, теперь над ней можно и посмеяться.

СНЕГ И ДВИЖЕНИЕ. Композиционно картина разделена на три горизонтальных полосы: небо, люди и снег. Светлые полосы снега и неба контрастируют с темной людской массой, на которой выделяются лица персонажей – взгляд невольно останавливается на них, оставляя неживую материю на заднем плане. Снег отражает небесный свет на лица людей, заставляя их играть цветовыми оттенками, делает их живыми. Суриков заставлял своих натурщиков позировать на снегу, изучал мельчайшие оттенки снега в разную погоду, при различном освещении, примечал изменения цвета кожи на морозе. Всё это позволило добиться необычайной реалистичности лиц на полотне.

Долгое время художнику не удавалось показать динамику, изобразить, как сани с трудом проталкиваются сквозь толпу. Было создано несколько пробных эскизов, но желаемого эффекта не получалось. Тогда Суриков решил изменить пропорции картины: холст для нового варианта был взят бóльшим по высоте, и на дополнительном отрезке была вписана полоса подтаявшего снега со следами от полозьев. Эффект движения дополнил бегущий рядом с санями мальчик.

Умирала боярыня как человек, а не как героиня жития – страшно, в немощи. Но подвига её личной веры это не умалило. Именно поэтому из всех героев Сурикова выделяется именно Морозова: когда кончаются физические силы, укрепляются душевные. За те сто тридцать лет, что отделяют нас от той выставки передвижников, боярыня Морозова кисти Сурикова стала спутником каждого русского человека. Иначе и не представить себе эту женщину XVII в., готовую на любую жертву ради веры, в истинности которой у неё нет сомнения.

Михаил Позвонков.

ВОПРОС-ОТВЕТ

Присылайте свои вопросы на электронную почту voskresenie@hram1891.ru с пометкой «вопрос-ответ»

- Несет ли человек ответственность за грехи предков? Вижу в Сети, причем неоднократно, например, призывы молиться о прощении за грех убийства царя Николая Второго. Но как каяться в том, что ты лично не сделал? Поясните, пожалуйста.

- Да, такого рода призывы в сети то и дело появляются. И, надо сказать – совершенно безосновательно. Как правило, инициаторы подобного рода «покаяний» ссылаются на ветхозаветную книгу Исход: *Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого [рода], ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои* (Исх 20:5–6).

Но если внимательно рассмотреть цитату, то увидим: ключевые слова здесь – «ненавидящих Меня». То есть те дети, что продолжили отцовский грех богоотступничества, тоже будут наказаны. Важно также обратить внимание на хронологию. Книга Исход относится к временам 13-го века до н.э. Сознание древних иудеев было в целом родоплеменное – человек ощущал себя частью целого рода, но ценность его как личности была на тот момент невысока. Вспомним опять же, что Ветхий Завет – это «детоводительство» ко Христу. Господь сохранял народ иудейский, наставлял его, чтобы сохранить от полного истребления враждебными народами тех времен. И воспитательные меры должны были соответствовать мировосприятию иудеев тех древних лет: коль жизнь человека особо не ценилась, то более эффективным воздействием была кара, падающая на потомков.

Идем далее: в книге пророка Иезекииля мы находим уже прямо противоположное утверждение: *«зачем вы употребляете в земле Израилевой эту пословицу, говоря: «отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомины»? Живу Я! – говорит Господь Бог, – не будут вперед говорить пословицу эту в Израиле.»* (Иез.18:2-3). Пророк Иезекииль жил гораздо позже – в шестом веке до н.э. Иудейское общество совершило к тому времени немалый скачок в развитии, человек научился осознавать себя как личность и нести полную ответственность за свои действия. Поэтому Господь и объявляет о том, что дети не несут ответственности за грехи отцов. Тут нет противоречия: Бог говорит со своим чадом – человеком – на том языке, который человеку более понятен. Родоплеменное сознание ушло в прошлое, человек научился осознавать свою ответственность за поступки – и с ним можно говорить уже совершенно иными словами. Поэтому те заблудшие христиане, кто утверждает о нашей ответственности за грехи родственников из минувших поколений, на самом деле недалеко ушли от уровня иудеев времен исхода.

- Грехом ли будет сделать пластическую операцию по изменению формы носа и ушей? Как относится Церковь к пластической медицине?

- Однозначно не будет греха в подобного рода хирургическом вмешательстве, если операция призвана устранить или минимизировать последствия травмы или увечий, полученных в результате несчастного случая. Но если цель операции – сделать внешность более фотогеничной, чтобы привлекать внимание к своей персоне – то следует задать себе вопрос: не гордыня ли это? Не является ли целью некое тщеславие, желание мирской славы? Тогда такое желание «быть лучше всех» - несомненный грех. Вообще, на этот вопрос во времена оные дал самый исчерпывающий ответ апостол Павел: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1 Пет. 3:3–4).

- Термин «равенство полов» известен давно – у мужчин и женщин сегодня равные права в обществе. А что такое «гендерное равенство», про которое сегодня очень часто приходится слышать? И каково мнение в православной среде об этом?

- Действительно, установленное законодательно равенство полов в России – вещь всем понятная и однозначно трактуемая. В первую очередь она относится к равным правам мужчин и женщин: и те, и другие имеют одинаковые возможности относительно образования, медицинской помощи, трудоустройства, пенсии и так далее. Новое для нашего общества слово «гендер» не имеет однозначного перевода на русский язык и поэтому не может быть трактовано однозначно. Но если взять за основу смысл, вкладываемый в западных странах, то гендер подразумевает не пол с медицинской точки зрения, а некий социально-половой стереотип поведения в обществе. Что это значит? А значит это, что любой человек, приверженный гендерной идеологии, якобы может сам, основываясь на своих чувствах и мироощущении, определять свой пол. Гендерная идеология предполагает, что человек должен сам определить, кто он: мужчина, женщина, трансгендер, гомосексуалист, транссексуал или то-то еще (список вариантов постоянно растёт). С точки зрения православного общества, такой подход является чистой воды богоборчеством. Читавшие Ветхий Завет несомненно помнят: Богом был создан мужчина, из ребра которого была создана женщина. Так начался людской род. Ни о каких иных половых вариациях речи попросту не было. Более того, однополые сексуальные отношения прямо рассматривались в Библии как тягчайший грех, караемый смертной казнью. Гендерная идеология – это прямое нападение на нравственные и религиозные ценности, стратегия, призванная с самого детства влиять на человека в вопросе его мнимого полового самоопределения, когда человек сам назначает себе один из множества полов-«гендеров» в зависимости от сексуальных предпочтений. Возможно, кому-то опасность покажется преувеличенной? Отнюдь: в ряде западных стран легализованы однополые браки, таким однополым сожителям дано право усыновлять детей, что калечит их психику. Хуже того: в некоторых странах существуют законы, позволяющие детям, вне зависимости от мнения их родителей, делать операции по смене пола. То есть ребенок, еще полностью не способный осознавать всю глубину последствий, добровольно калечит себя при попустительстве и даже одобрении общества, исповедующего идеологию гендерного равенства.

Православное общество – по своей сути патриархальное. Оно никогда не одобрит культуру, стремящуюся к уничтожению богоданной идентичности и утверждающей, что пол – не более, чем конструкт, который может меняться по воле его обладателя. Гендерная идеология по сути своей борется со здравым смыслом, поскольку отрицает биологические, психологические и социальные различия между мужчинами и женщинами, борется против Бога и порядка мироздания.

Подготовил Михаил Позвонков.

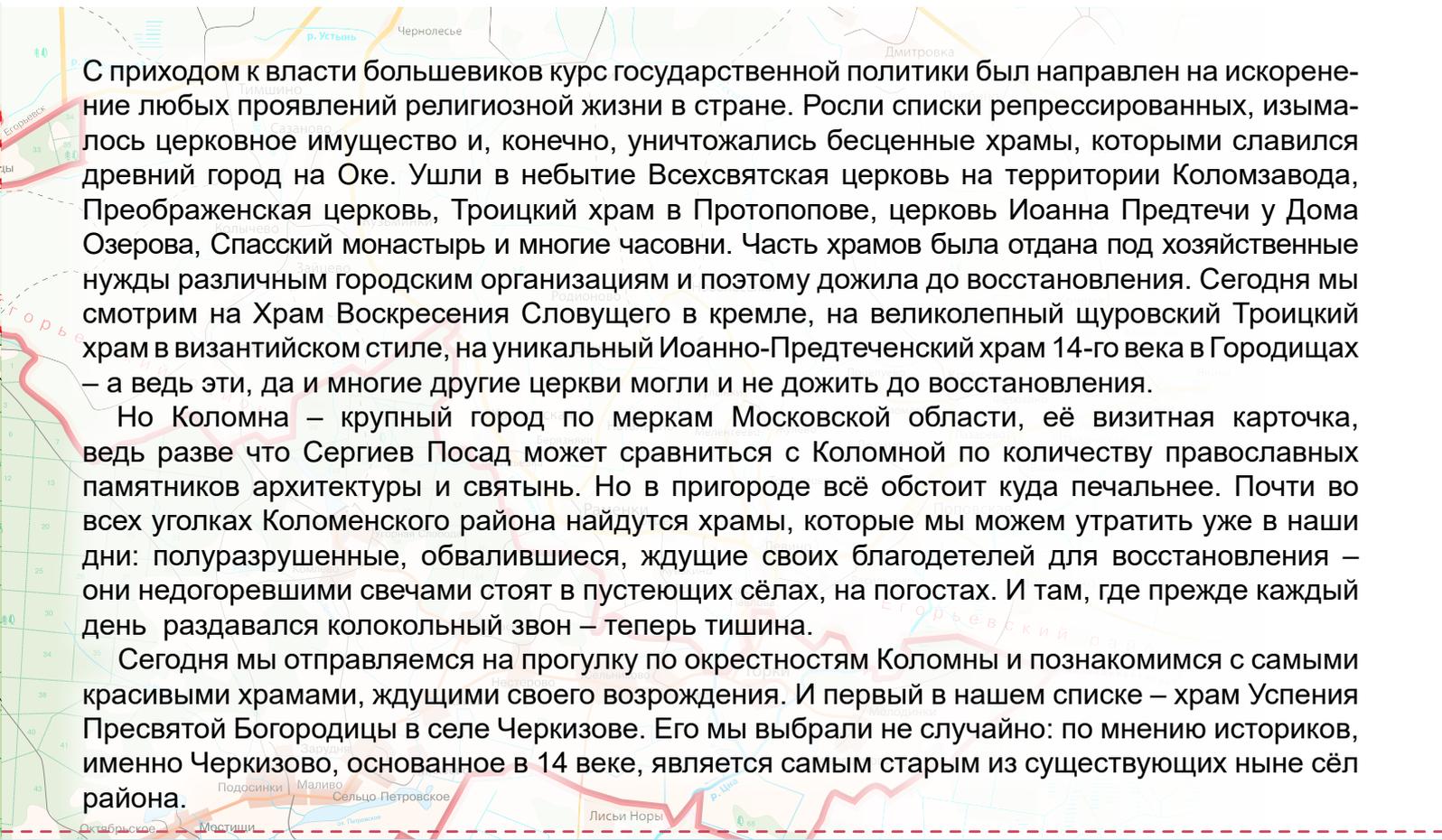
ВОСКРЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ПОРУШЕННЫЕ ХРАМЫ

Каждый год самый красивый город Подмосковья - Коломна посещает примерно полтора миллиона туристов. Едут паломники, их цель – святыни коломенских храмов и монастырей, что помнят великих святителей и русских царей. Спешат любители старины – погулять по кварталам Старой Коломны, прикоснуться ладонью к стенам древнего кремля, насладиться архитектурой и неспешным ритмом многовековых улиц. С особой радостью в город приезжают дети – театральные представления в музеях пастилы, калача, на кузнечном дворе и в музеях самовара и игрушки любят не только юные туристы, но и их родители. Многие уезжают, чтобы вернуться еще не раз - и перед любителями истории открываются красоты окрестностей Коломны, где великолепие памятников архитектуры спорит с роскошью подмосковной природы.

История коломенской земли никогда не была мирной и безоблачной. Орудовали татаро-монголы, вели междоусобицы русские князья. Во времена Смуты коломенские отряды сражались с повстанческими силами Хлопка и Болотникова, в 1812 году ополченцы из Бочманова предпринимали вылазки против подошедшей к городу французской разведки. Однако никакие войны не нанесли такого урона культурному достоянию Коломны и её окрестностей, как безбожные времена двадцатого века.

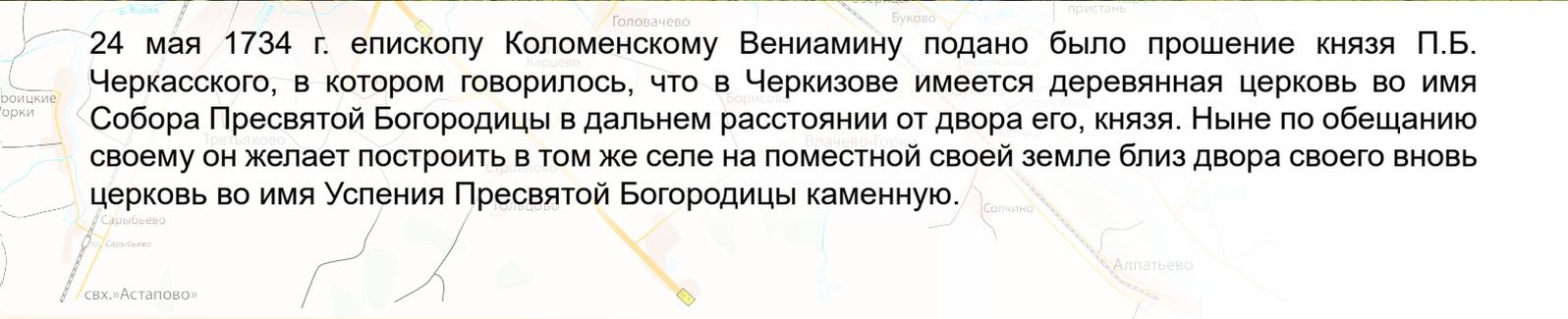

С приходом к власти большевиков курс государственной политики был направлен на искоренение любых проявлений религиозной жизни в стране. Росли списки репрессированных, изымалось церковное имущество и, конечно, уничтожались бесценные храмы, которыми славился древний город на Оке. Ушли в небытие Всехвятская церковь на территории Коломзавода, Преображенская церковь, Троицкий храм в Протопопове, церковь Иоанна Предтечи у Дома Озерова, Спасский монастырь и многие часовни. Часть храмов была отдана под хозяйственные нужды различным городским организациям и поэтому дожидаясь до восстановления. Сегодня мы смотрим на Храм Воскресения Слоущего в кремле, на великолепный шуровский Троицкий храм в византийском стиле, на уникальный Иоанно-Предтеченский храм 14-го века в Городищах – а ведь эти, да и многие другие церкви могли и не дожить до восстановления.

Но Коломна – крупный город по меркам Московской области, её визитная карточка, ведь разве что Сергиев Посад может сравниться с Коломной по количеству православных памятников архитектуры и святынь. Но в пригороде всё обстоит куда печальнее. Почти во всех уголках Коломенского района найдутся храмы, которые мы можем утратить уже в наши дни: полуразрушенные, обвалившиеся, ждущие своих благодетелей для восстановления – они недогоревшими свечами стоят в пустеющих сёлах, на погостах. И там, где прежде каждый день раздавался колокольный звон – теперь тишина.

Сегодня мы отправляемся на прогулку по окрестностям Коломны и познакомимся с самыми красивыми храмами, ждущими своего возрождения. И первый в нашем списке – храм Успения Пресвятой Богородицы в селе Черкизове. Его мы выбрали не случайно: по мнению историков, именно Черкизово, основанное в 14 веке, является самым старым из существующих ныне сёл района.

Село Черкизово. Храм Успения Пресвятой Богородицы

24 мая 1734 г. епископу Коломенскому Вениамину подано было прошение князя П.Б. Черкасского, в котором говорилось, что в Черкизове имеется деревянная церковь во имя Собора Пресвятой Богородицы в дальнем расстоянии от двора его, князя. Ныне по обещанию своему он желает построить в том же селе на поместной своей земле близ двора своего вновь церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы каменную.

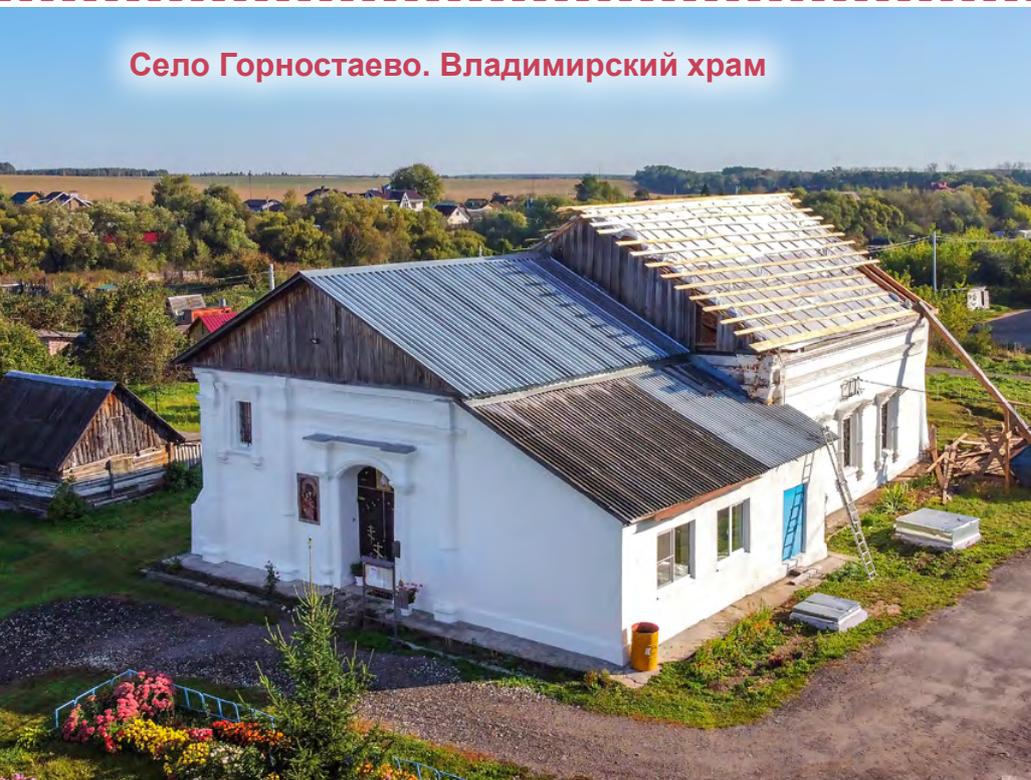

25 мая того же года князю была дана храмозданная грамота. Церковь была построена и освящена 23 октября 1749 г. протопопом Успенского Коломенского собора Григорием Фёдоровым. Изначально церковь была задумана князем Черкасским как усадебная домовая. При стоящей вблизи деревянной церкви Собора Пресвятой Богородицы в 1797 г. было 80 дворов прихожан. После построения отапливаемой трапезной в 1821 г. церковь

Успения стала приходской. К ней была приписана деревянная церковь Собора Пресвятой Богородицы (разобрана в 1947 г., построенный из церковных брёвен клуб сгорел в 1958 г.). В 1869 г. в Черкизове было основано начальное земское училище.

В 1960 г. был сломан верхний ярус колокольни. В здании устроили клуб, потом склад, позднее храм был заброшен. В 1992 г. возвращён верующим, в 1994 г. проведены консервационные работы. В настоящее время реставрационные работы не проводятся, идет сбор средств на восстановление храма.

Село Горностаево. Владимирский храм

Храм упоминается в «Истории русского искусства» (т. IV) под редакцией И.Э. Грабаря (издание Академии наук СССР, М., 1959), где сказано: «... постройки центрических храмов, подобных церкви в Филях, были широко распространены в 90-х гг. XVII в. - в начале XVIII в. (среди них должны быть названы... Владимирская церковь в Китай-городе... храм в селе Горностаево близ Коломны)».

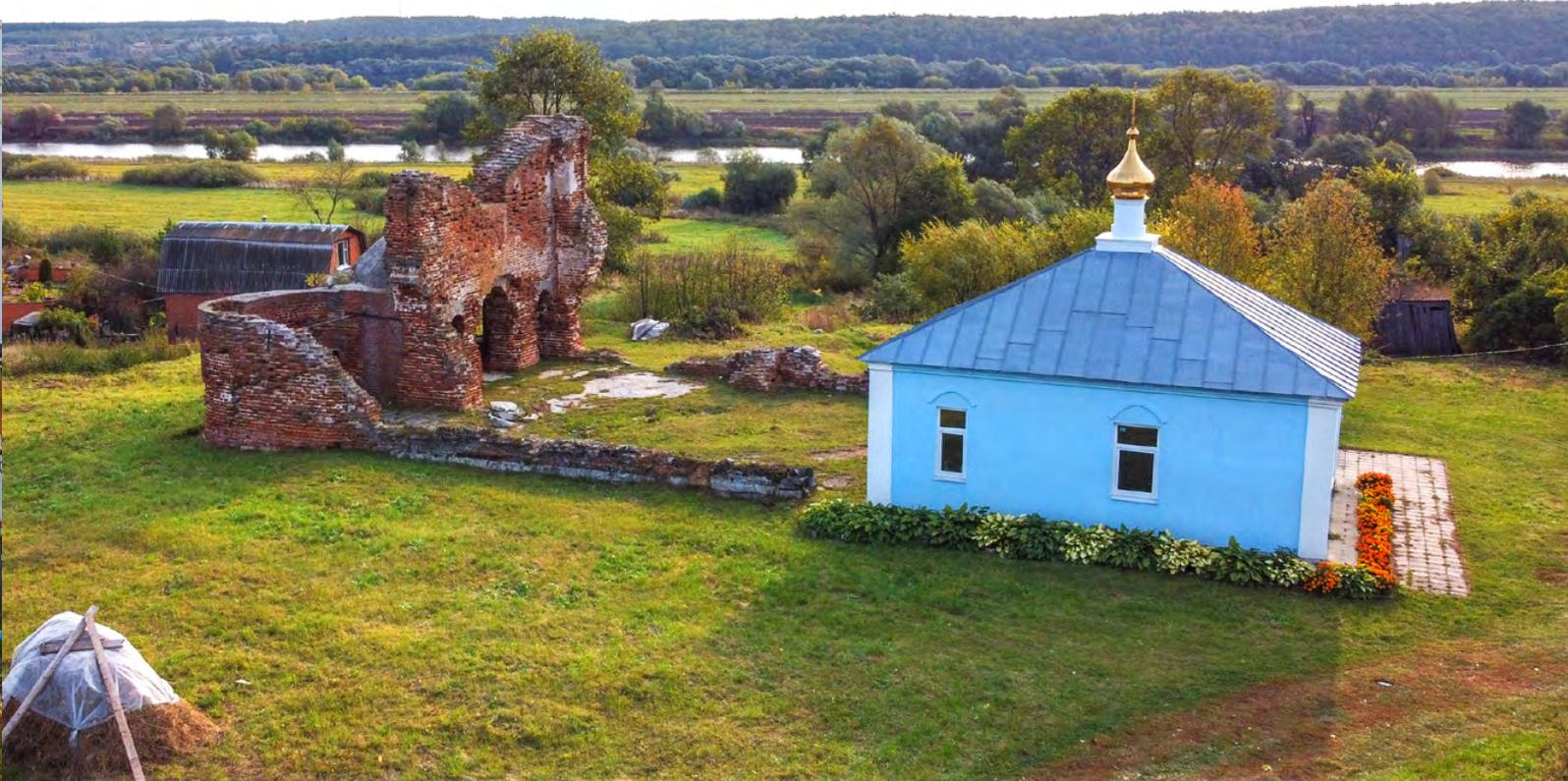
Не удалось отыскать фотографии церкви, но в архиве было найдено описание и чертёж: «Пятиярусная церковь типа «нарышкинских» конца XVII - начала XVIII вв. Здание кирпичное с белокаменными деталями. Прямоугольный первый ярус переходит в уменьшающиеся восьмерики. Карнизы восьмериков украшены разрывными фронтонами типа «петушиных гребешков». Оконные наличники оформлены колоннами с разрывными фронтонами. Углы восьмериков декорированы полуколоннами на кронштейнах. Ампирные апсиды низкие, тройчатые. При церкви более поздняя трапезная, под двухскатной кровлей».

Владимирская церковь до пристройки трапезной и колокольни была каменной, однопрестольной с деревянной колокольней. Главной святыней храма была местночтимая Плакующая икона Божией Матери. В 1878 г. начато строительство новых приделов по проекту архитектора Петра Сантиновича Кампиони. В 1889 г. окончены были два придела с духовым отоплением и большой каменной колокольней. 22 октября состоялось освящение двух приделов - Святого великомученика Никиты и Святителя Афанасия Патриарха Александрийского.

Здание храма было взорвано в 1935 году. Сохранилась трапезная часть, часть колокольни и здание церковно-приходской школы. До недавнего времени в трапезной части храма был склад продовольственного магазина. В 2012 г. руины храма переданы верующим, с 2016 г. в храме проводятся регулярные богослужения, ведутся восстановительные работы.

Село Васильево. Воскресенская церковь

Церковь в честь Обновления Храма Воскресения Христова (Воскресения словущего) была основана в 1712 г., позднее храм достраивался и поновлялся. Церковь представляла собой высокий двусветный четверик с куполом и единственной главкой. С запада к зданию примыкала небольшая колокольня с колоннами, с круглым верхним ярусом и куполом, увенчанным высоким шпилем.

С севера к летней церкви был пристроен придел во имя святителя Николая. Земли воскресенского прихода в XVIII-XIX вв. принадлежали роду графов Санти, итальянский предок которых перешел на службу к Петру I. Кроме средств от прихода, васильевский священник получал жалование от семейства Санти. Рядом с храмом располагался княжеский некрополь, от которого остался только памятник А. Санти из белого мрамора.

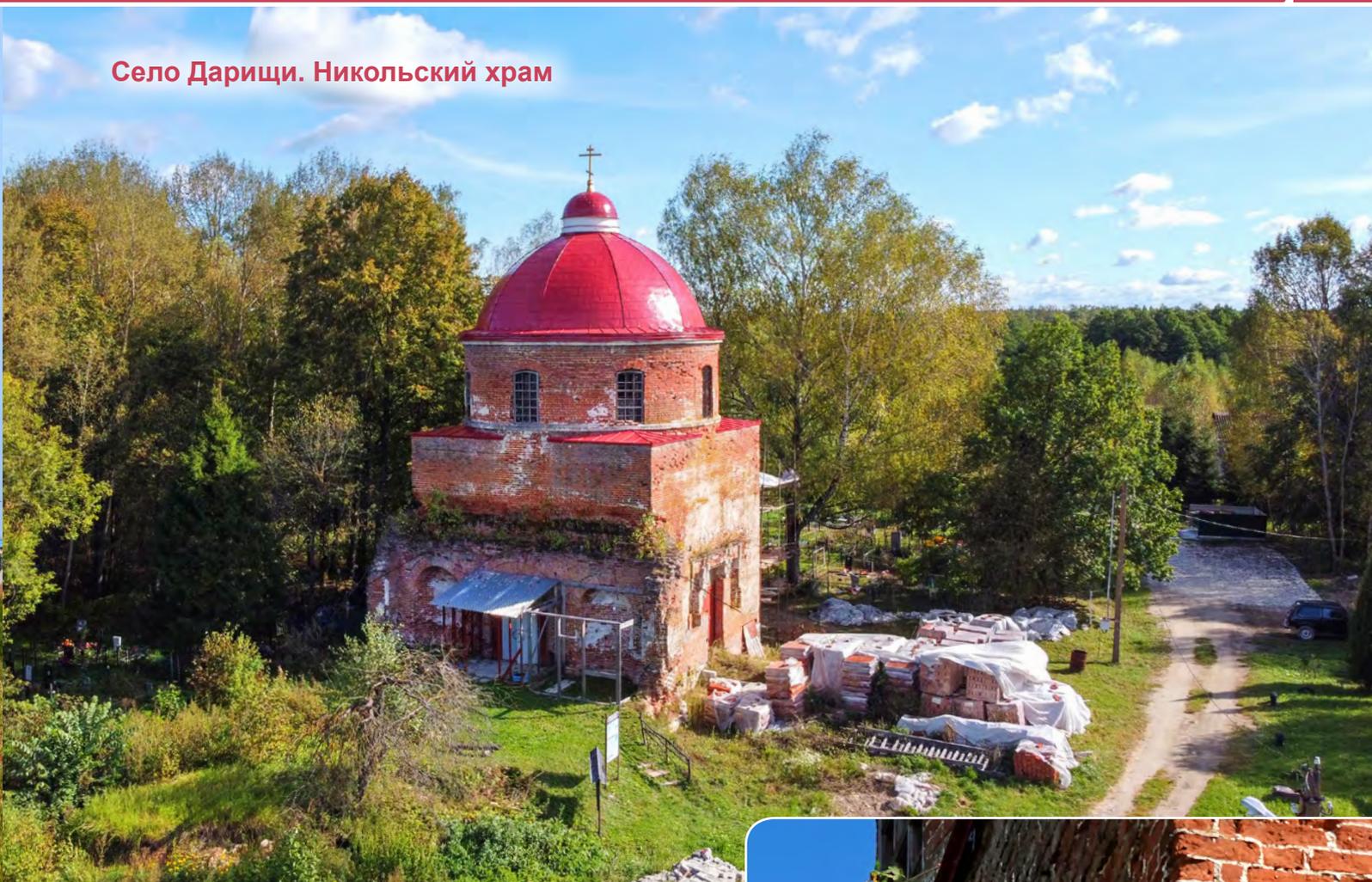

На рубеже XIX-XX вв. недалеко от храма выстроили деревянную церковноприходскую школу. К югу, на берегу Оки, находится чтимый Казанский источник. По церковному преданию, на этом источнике была обретена в XIX в. Казанская икона Божией Матери. Образ перенесли в церковь и поместили на стене у южного входа. Под иконой горела неугасимая лампада, и праздник в честь Казанского образа Пресвятой Богородицы почитался наравне с престольными.

В 1930-е года церковь была закрыта. В послевоенные годы храм разрушили для строительства свинарников. Стены подрывали динамитными шашками, растаскивали тракторами. В результате редкостный памятник зодчества начала XVIII в. практически утрачен. От него остались только апсида с фрагментом восточной стены, два южных угловых пилон, опорные столпы звонницы и часть мозаичного пола XX в.

Община Воскресенского храма была воссоздана в 1997 г. Небольшой храм возвели заново, пристроив его к сохранившимся руинам.

Село Дарищи. Никольский храм

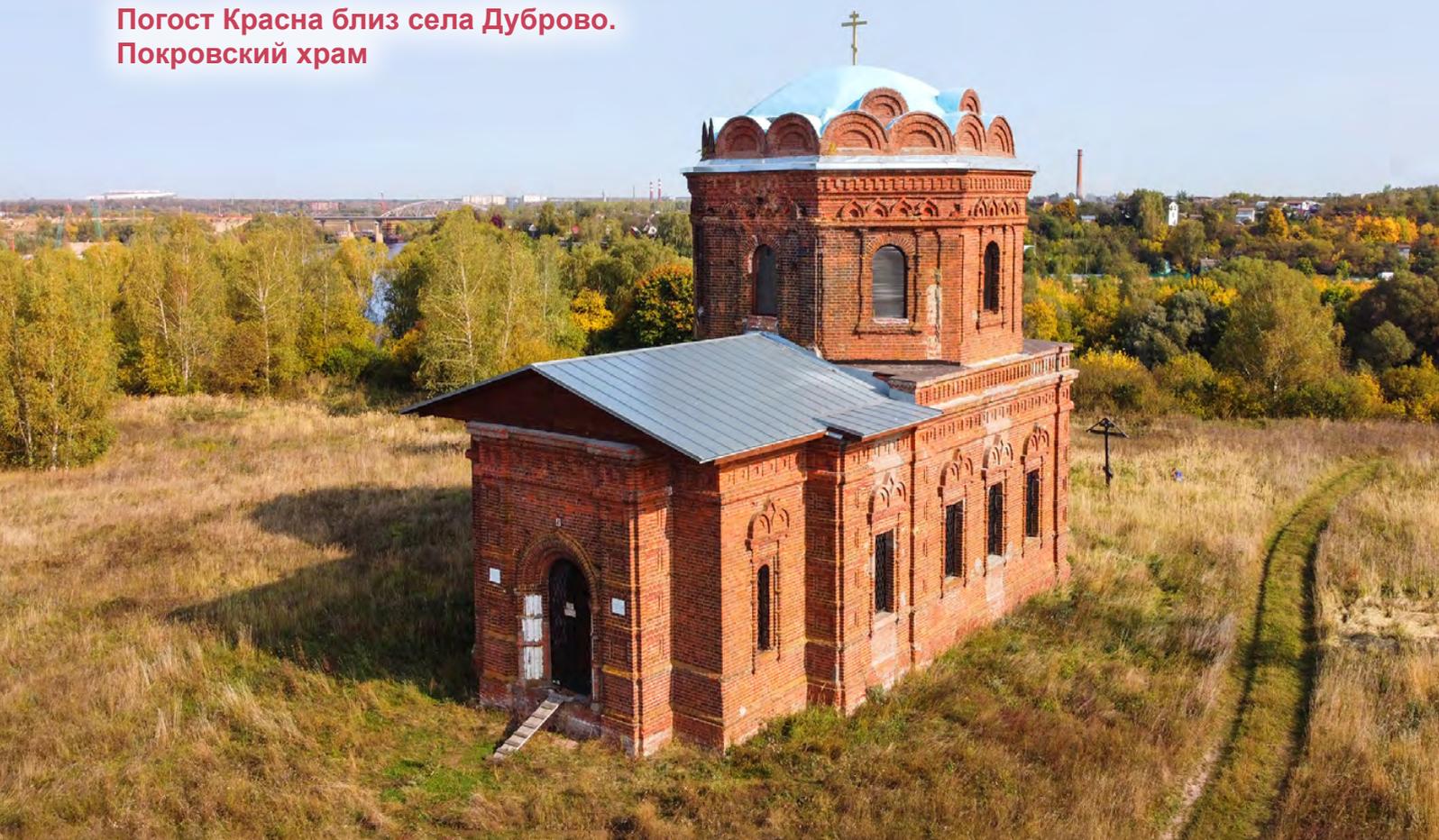
На северо-востоке от Коломны расположено село Дарищи с построенным в 1810 году храмом в честь святителя Николая Мир Ликийских Чудотворца. Ранее на этом месте располагался деревянный храм, упоминаемый в записях с 18 века.

Строительство велось на средства местных прихожан и помещиков. Храм был трёхпрестольным, после его закрытия разобраны алтарь, трапезная часть, в которой располагались приделы Святого великомученика Дмитрия Солунского и Мученика Иоанна Воина. Храм периодически поновлялся; во второй половине XIX в. он был украшен масляной стенописью, выполненной в академической манере. Последний настоятель церкви священник Василий Вознесенский принял мученический венец: его расстреляли 26 февраля 1938 г. Храм был закрыт в 1938 г., алтарь, трапезная и колокольня сломаны.

То, что осталось от храма, возвратили верующим в 1999 г. Состояние здания на сегодняшний день вызывает опасения. Идет сбор средств на восстановительные работы, удалось восстановить купол храма и остекление.

**Погост Красна близ села Дуброво.
Покровский храм**

С XI века на месте будущей церкви существовал монастырь во имя великомученика Федора Тирона. В писцовых книгах 1578 года говорится: «Погост царя и великого князя на Москвереке, а в нем церковь Покрова Пресвятой Богородицы». В духовном завещании князя Ф.И. Хворостинина 1603 года упоминается о его пожертвовании «на Коломну к Великому Мученику Федору Тирону на Красен 3 рубля, да к Покрову Пречистыя Богородицы на Красен же полтора рубля». Монастырь был ограблен, а затем сожжен литовцами и поляками в 1609-1612 годах. На месте сожженного монастыря в 1620 году была построена деревянная церковь, позже неоднократно подновляемая.

В 1908 году сын таганрогского купца Поликарпа Марковича Рочегова (бывшего крестьянина Коломенского уезда), Михаил Поликарпович, проезжая по торговым делам в Москву, погиб от рук разбойников около погоста Красна. На молитвенную память о сыне Поликарп Маркович Рочегов пожертвовал 10 тысяч рублей на строительство нового, кирпичного храма.

10 июня 1913 года рядом с ветхой деревянной начали строить каменную церковь по проекту архитектора Сергея Михайловича Ильинского. Начавшаяся в 1914 году Первая Мировая война прервала строительство кирпичной церкви. Храм возвели, но не было внутреннего убранства и освящения храма. Таким он и оставался до 1917 года. В советское время здесь было общежитие, кирпичный храм с колокольной частично разрушили и переустроили, а деревянную церковь разрушили полностью.

В настоящее время разрушенный храм передан общине верующих.

Село Лысцево. Покровский храм.

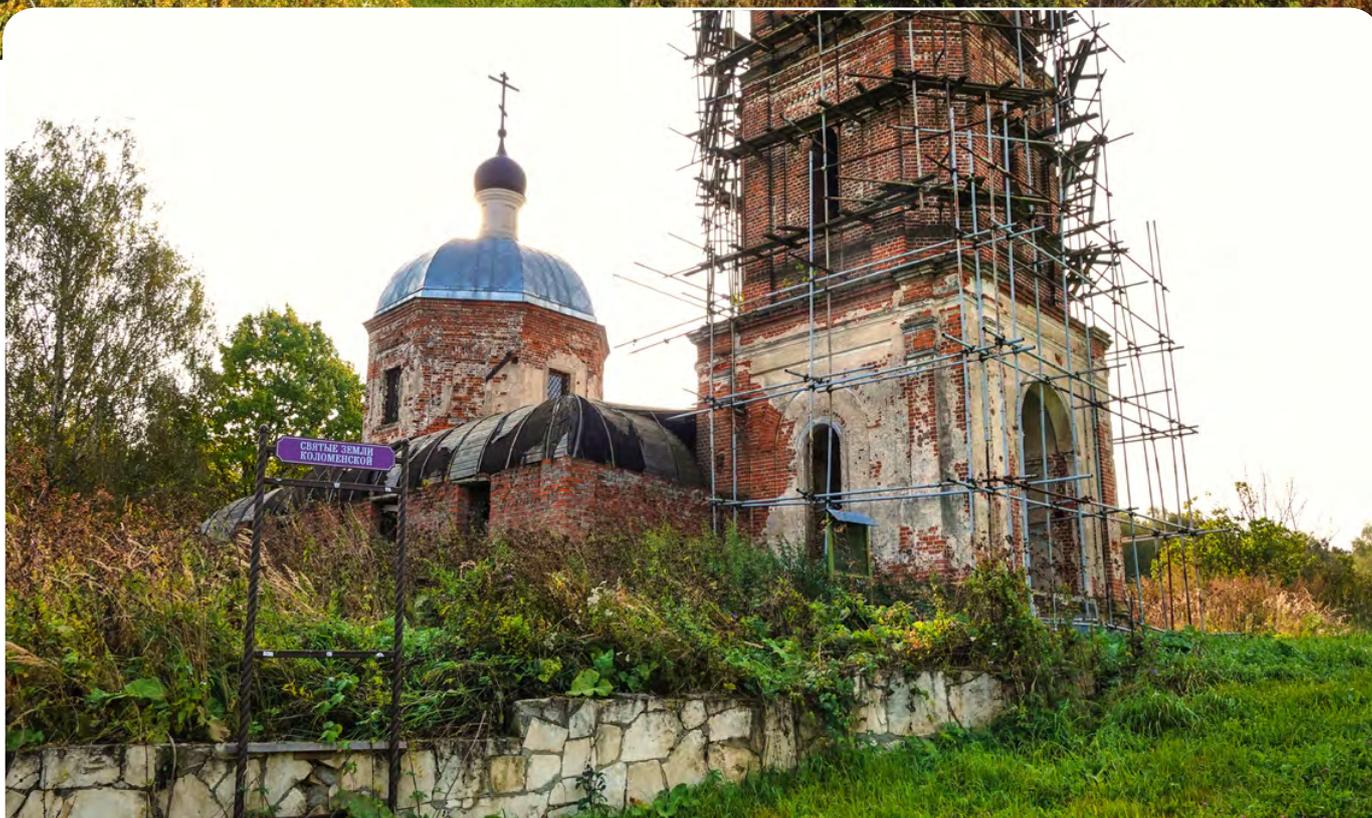
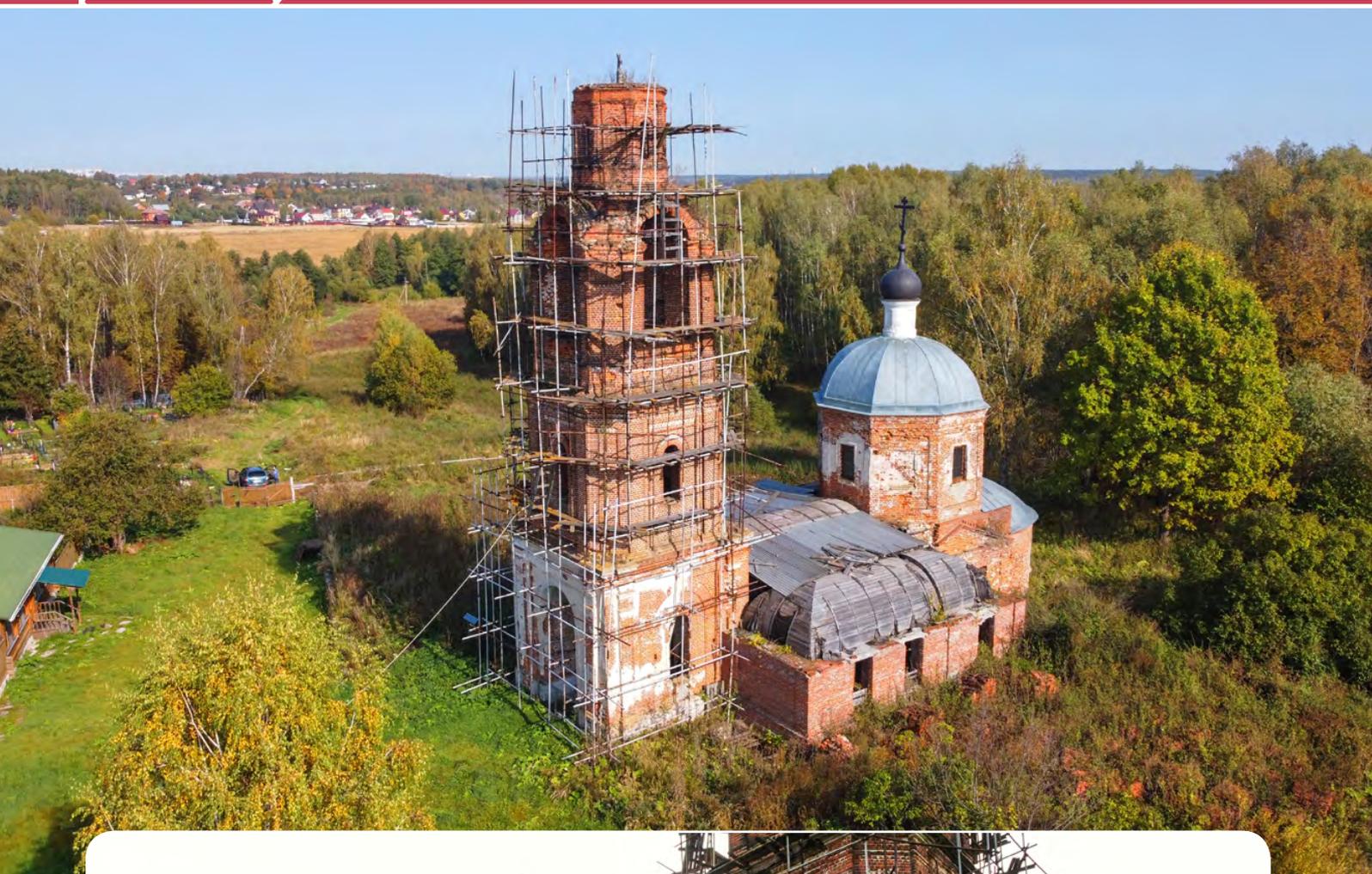
Изначально в селе Лысцево существовала деревянная церковь. Дата её постройки не сохранилась в документах. Известно лишь, что храм был небогат – не хватало икон и книг, на что прихожане собирали пожертвования.

В 1780 г. тщанием проживавшего в приходе капитана Михаила Васильевича Ртищева построена каменная церковь Покрова Пресвятой Богородицы, с тёплыми приделами Великомученика Феодора Тирона и Мученицы Параскевы в трапезной. Иконостас главного храма был украшен фигурами ангелов, в храме были чудотворная икона Мученицы Параскевы, именуемой Пятницей, и особо чтимая икона Святителя Николая Мирликийского. Деревянный храм стоял к востоку от каменного на 80 сажень. В 1875 г. была пристроены колокольня и трапезная, в которую перенесены приделы Великомученика Феодора Тирона и Мученицы Параскевы.

В 1938 г. храм был закрыт. Завершение храма, колокольня, главный храм разобрали на кирпич. В 1998 г. руины возвращены верующим, проводятся богослужения. В храме находится единственно сохранившаяся со времени закрытия храма икона великомученика Федора Тирона.

**Село Апраксино.
Христорождественский храм**

Ныне существующая каменная церковь Рождества Христова построена в начале XVIIIв. Первое упоминание о ней историки датируют 1715 годом, когда селом владел астраханский воевода боярин Алексей Петрович Салтыков. Храм относился к существовавшему до второй половины XX века селу Хотяинову.

Храм не был богат, но неоднократно перестраивался. От древних времен сохранились лишь четверик и часть придела св. Параскевы. В 1905 г. храм был украшен масляной стенописью, в нем выстланы пол из метлахской плитки.

В 1930-е годы храм закрыли. Церковное предание сохранило один эпизод: однажды два подростка осквернили храм. В тот же день у них внезапно начался сильный жар - спустя некоторое время они оба умерли. Однако этот пример не остерег жителей. Осквернение продолжалось, а в середине 50-х годов храм решили окончательно сравнять с землёй: при помощи тракторов снесли северную и южную стороны храма, а на разрушенной колокольне тренировались альпинисты.

Храм был возвращен общине верующих в 1995 году. Со временем были произведены некоторые ремонтные работы: выложены разрушенные стены, восстановлена кровля из листовой стали. Ввиду удаленности от населенных пунктов в храм невозможно провести центральное отопление. По этой причине храм отапливается печью и электрическим котлом. Частично отремонтирован алтарь, построен церковно-приходской дом, в котором некоторое время находился детский приют Троицкого храма в Щурове. Восстановление затрудняет отсутствие асфальтовой дороги к храму. В настоящее время богослужения совершаются по праздникам несколько раз в году.

Село Настасьино. Сретенский храм

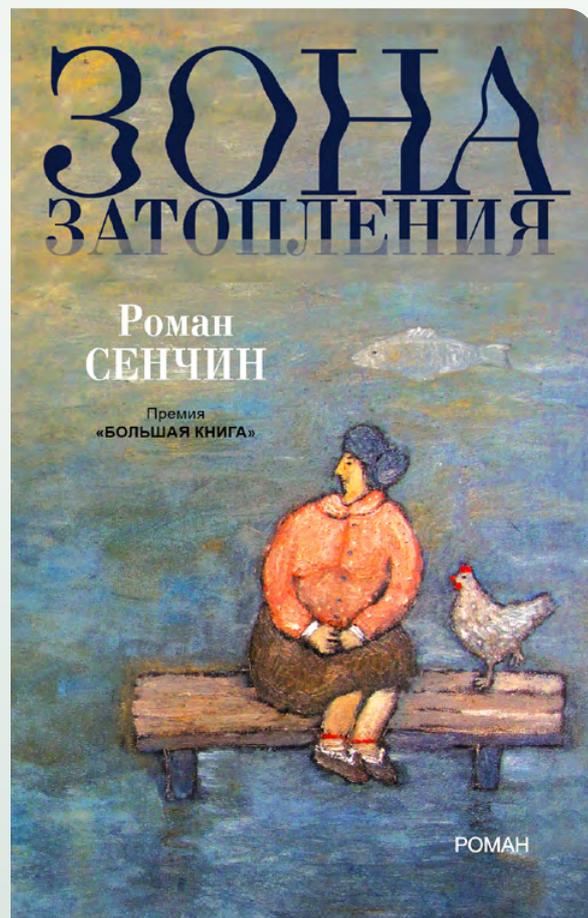
Храм был возведен в 1715 году. Церковь была однопрестольной, холодной и не имела колокольни. Сохранился проект, выполненный во 2-й половине XIX в., каменной с деревянными решётками ограды церкви. Церковь в селе Настасьино была единственной церковью в Коломенском районе, посвященной дню Сретения Господня. В церкви находился придел святого Симеона Столпника. На постройку храма пошло красное дерево, которое сплавляли по Москве-реке в 1892 году. Финансировал строительство купец Иван Степанович Комаров. Церковь Сретения Господня в с. Настасьино была закрыта в 1939 году, позже сломана.

Восстановить храм на старом месте было невозможно: место снесенного храма уже занял частный дом. Поэтому было принято решение о строительстве храма в Настасьине на новом месте.

КНИЖНЫЙ ШКАФ

Роман Сенчин. "ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ"

Роман Сенчин – из плеяды молодых авторов, вскормленных творчеством старых реалистов советской и постсоветской эпохи. Неслучайно первые публикации Сенчина появились в середине 90-х именно в «Нашем современнике». Уроженец Кызыла, а позже – житель Красноярска, Минусинска и Абакана, Сенчин знаком с жизнью сибирской глубинки лично – эпизоды для книг выписаны на основе своего опыта. Первая серьезная заявка о себе – повести «Минус» и «Нубук», вышедшие в начале нулевых, а первый большой успех – роман «Ёлтышевы», вошедший в шорт-листы литературных премий «Большая книга», «Русский Букер», «Ясная Поляна», «Национальный бестселлер» и «Русский Букер десятилетия». Успех продолжила вышедшая в 2015 году книга «Зона затопления», получившая премию «Большая книга».

Немного истории: один из самых больших «долгостроев», доставшихся России от почившего СССР – Богучанская ГЭС на реке Ангаре. Подготовка к строительству, начатая в 1974 году, постепенно снижала темпы и к девяностым была остановлена. Но в предполагаемой зоне затопления успели произвести подготовительные работы и расселить часть населенных пунктов – зону затопления покинуло более 8 тысяч человек, ряд поселков и деревень были упразднены. В тот период переселение происходило относительно безболезненно – покидавшие родные деревни люди могли получить работу, не было сильной спешки. Развал Союза надолго приостановил работы по созданию ГЭС- после десяти с лишним лет простоя активные действия начались лишь в 2005 году.

Темпы перепроектирования и строительства были взяты высокими, и оставшаяся часть населения, попадавшая в зону затопления – более 5 тысяч человек – расселялась в сжатые сроки. Наряду с социальными проблемами, неизбежно возникшими в результате спешного переселения, возникали и проблемы экологические: в ложе будущего водохранилища не были сведены леса, не полностью приняты меры для охраны затопляемых могильников и кладбищ – против строительства выступили экологические организации, требовавшие проведения экологической экспертизы. Обо всем этом – роман «Зона затопления». Картина медленного умирания деревень, обреченных на уход под воду, действительно мрачна. Сибирь издревле опиралась на село – поселки по несколько тысяч человек не были чем-то заурядным. И основная проблема – не само переселение как процесс логистический, а вопрос людей, вырванных из привычного уклада, сформированного поколениями. Как привыкнуть к городу старикам (да и не только), привыкшим к земле, не мыслящих жизни без хозяйства, леса, реки? И что делать молодёжи в искусственно создаваемых микрорайонах для переселяемых семей? О бездумности стройки, ставящей экономическую выгоду превыше человеческих судеб, с горечью написал в 2012 году Валентин Распутин: Государство, убивающее само себя — такого в мире ещё не бывало».

Язык Сенчина – живой, сочный. Выросший в Сибири, он умело и к месту использует народные словечки, говорки сибиряков – в конце книги даже приведен небольшой словарь для малознакомых с местным диалектом. Ведя основную линию в соответствии с хронологией событий и описывая одну и ту же группу героев, автор разбивает роман на несколько тематических глав: вот – о деревне еще живой, но чувствующей последние времена. Вот – момент последних сборов, переезда, прощания. Вот – противостояние предпринимателей, которым власть не может или не хочет компенсировать потери от погибшего дела, а вот и очень тяжелые страницы – перенос старых кладбищ. Финал – жизнь на новом месте, для многих ставших не жизнью, а существованием, доживанием. Если «Ёлтышевы» у Романа Сенчина получились неожиданными, взрывными – это было нечто новое, то «Зона затопления» сюжетно предсказуема. Собственно, это и неудивительно – стройка окончена, ГЭС работает. И сперва книга кажется скучноватой: ну повторяет автор жития стариков умирающего села. Но дальше, видимо из опасения не сотворить кальку на Распутина, сюжет закручивается: вот тебе и противостояние с чиновниками, вот – разоренные кладбища, вот война локального масштаба за остановленную лесопилку. Сенчин сумел выкрутить сюжет на новый уровень и книгу есть за что хвалить.

Когда книга впервые попадает в руки и узнаешь сюжет – приходит обязательная мысль: минутку, ну ведь писал от этом Распутин, есть же «Прощание с Матёрой». Куда ещё? Но начинаешь читать – и понимаешь: романы не конфликтуют, а дополняют друг друга. «Прощание с Матёрой» – роман более лиричный, в нем на первый план выходит память поколений, лирика оставляемого хозяйства. В «Матёре» главные герои – старики, чья жизнь подходит к финалу вместе с уходящим в небытие островом. «Зона затопления» – продолжение истории, роман более жёсткий, социальный. Да, в нем есть место лирике и ностальгии, все так же хороша речь героев – самобытная, непридуманная. Но главная мысль – почему за тридцать лет не смогли сделать всё по уму? Почему планы развития, директивы руководства, экономические обоснования вобрали в себя всё, кроме человеческого отношения к тем пяти тысячам сибиряков, многие из которых и сегодня – спустя восемь лет после запуска ГЭС так и не смогли наладить новую жизнь.

Престижные литературные премии в двухтысячных получали и другие хорошие книги. Но Роману Сенчину премия досталась, как видится, не только за талант, но и за смелость: не каждый рискнет, во-первых, продолжить классика, а во-вторых, сделать это действительно достойно.

КУЛИНАРНАЯ СТРАНИЦА Ангела за трапезой

БАРАНЬЯ КОРЕЙКА ВО ФРУКТОВОМ МАРИНАДЕ

Из всего многообразия мяса, что щедро предлагают нам сегодня торговые сети, хорошую баранину все же следует поставить на первое место: готовить её просто, мясо чистое – баран кроме травы ничего не ест, приготовление много времени не занимает. И, пожалуй, самая нежная часть туши – корейка.

Увы, рубить баранью корейку на порционные куски и жарить по отдельности на сковороде или гриле – значит гарантированно дать соку вытечь из мяса. А коль пересушили – всё, пиши пропало: сухое мясо и гостям не подашь и самому есть радости мало. Значит, готовить будем целым куском, объединяющим сразу несколько ребер. Зачистим мясо от пленок, промоем в холодной воде и приготовим пряности и маринад.

НАМ ПОТРЕБУЕТСЯ:

- 2 кг бараньей корейки
- 200 граммов персиков
- по 1 чайной ложке молотого имбиря, копченой паприки, крупной соли
- половина чайной ложки черного перца горошком
- несколько зерен кардамона
- 100 граммов растительного масла

Пряности перетрем в ступке. Собственно, можно взять и обычную мелкую соль, но кристаллы крупной соли помогут быстрее и мельче перетереть перец и кардамон, играя роль абразива. Если кардамон не очищен – удалите шкурки зерен из смеси. В ту же ступку натрем на средней тёрке пару средних персиков. Какие выбрать? Тут подскажет исключительно ваш вкус – чем более сладкие будут фрукты, тем насыщеннее будет вкус всего блюда, и напротив: кисловатые персики лучше подчеркнут именно аромат баранины.

К персикам и пряностям добавим растительное масло и перемешаем. Часть смеси употребим немедленно – обмажем нашу баранину, завернем в пищевую пленку и отправим в холодильник пропитываться маринадом – «тёплые» пряности придадут мясу нежный восточный аромат. Как вы заметили, в этом рецепте нет ни лука, ни чеснока. Персикового сока будет вполне достаточно для размягчения и без того нежного мяса, а резкие запахи перебили бы букет пряностей.

Пока мясо вбирает в себя приятные ароматы, займемся углями: лучше всего использовать фруктовые дрова: яблоню, вишню, сливу. Угли от такой древесины получаются мелкие, горят жарко и равномерно.

Не забудьте прогреть решетку перед тем, как водружать на нее мясо – так оно не прилипнет. И не забывайте следить за процессом – ни в коем случае не давайте мясу пригореть или пересохнуть, периодически смазывайте поверхность кусков оставшимся маринадом при помощи кисточки. Куски корейки весом примерно по килограмму не следует жарить дольше 20-25 минут. Снимайте с огня и обязательно дайте мясу отдохнуть, укрыв фольгой или поместив в теплую кастрюлю с крышкой. Затем вооружайтесь тяжелым ножом или топориком и разрубайте корейку на порции по ребрам.

Мясо получается весьма нежным, с тонким ароматом – к нему не нужно дополнительных приправ и сложных гарниров. Всё, что для него необходимо – хорошая компания, отсутствие спешки и хорошая застольная беседа.

Михаил Позвонков.

*Ангела
за трапезой*

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

ГОЛГОФА

Распятый на кресте нечистыми руками,
Меж двух разбойников Сын Божий умирал.
Кругом мучители нестройными толпами,
У ног рыдала мать; девятый час настал:
Он предал дух Отцу. И тьма объяла землю.
И гром гремел, и, гласу гнева внимля,
Евреи в страхе пали ниц.

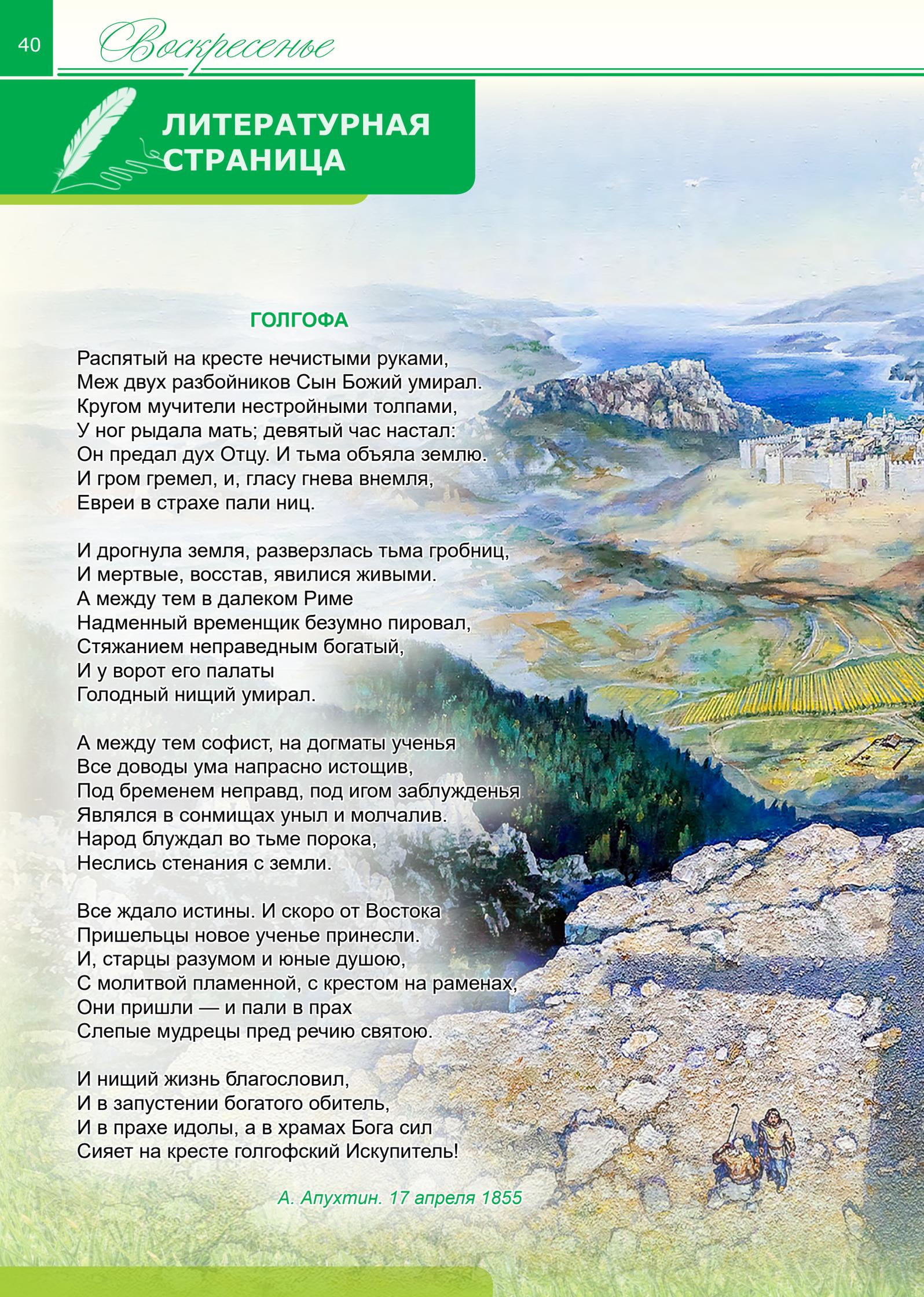
И дрогнула земля, разверзлась тьма гробниц,
И мертвые, восстав, явились живыми.
А между тем в далеком Риме
Надменный временщик безумно пировал,
Стяжанием неправедным богатый,
И у ворот его палаты
Голодный нищий умирал.

А между тем софист, на догматы ученья
Все доводы ума напрасно истощив,
Под бременем неправд, под игом заблужденья
Являлся в сонмищах уныл и молчалив.
Народ блуждал во тьме порока,
Несли стенания с земли.

Все ждало истины. И скоро от Востока
Пришельцы новое ученье принесли.
И, старцы разумом и юные душою,
С молитвой пламенной, с крестом на раменах,
Они пришли — и пали в прах
Слепые мудрецы пред речию святою.

И нищий жизнь благословил,
И в запустении богатого обитель,
И в прахе идолы, а в храмах Бога сил
Сияет на кресте голгофский Искупитель!

А. Алухтин. 17 апреля 1855

КРЕСТОВОЗДВИЖЕНИЕ

Он шел безропотно тернистою дорогой,
Он встретил радостно и гибель, и позор;
Уста, вещавшие ученье правды строгой,
Не изрекли толпе глумящейся укор.

Он шел безропотно и, на кресте
распятый,
Народам завещал и братство, и любовь;
За этот грешный мир, порока тьмой
объятый,
За ближнего лилась Его святая кровь.

О дети слабые скептического века!
Иль вам не говорит могучий образ тот
О назначении великом человека,
И волю спящую на подвиг не зовет?

О нет! Не верю я. Не вовсе заглушили
В нас голос истины корысть и суета;

Еще настанет день. Вдохнет и жизнь, и
силу
В наш обветшалый мир учение Христа!

Борис Пастернак, 1953

"ГОЛУБАЯ ЗМЕЙКА"

Павел Бажов

Росли в нашем заводе два парнишечка, по близкому соседству: Ланко Пужанко да Лейко Шапочка.

Кто и за что им такие прозвания придумал, это сказать не умею. Меж собой эти ребята дружно жили. Под стать подобралась. Умишком вровень, силенкой вровень, ростом и годами тоже. И в житье большой различки не было. У Ланка отец рудобоем был, у Лейка на золотых песках горевал, а матери, известно, по хозяйству мытарилась. Ребятам нечем было друг перед дружкой погордиться.

Одно у них не сходилось. Ланко свое прозвище за обиду считал, а Лейку лестно казалось, что его этак ласково зовут — Шапочка. Не раз у матери припрашивал:

— Ты бы, мамонька, сшила мне новую шапку! Слышишь, — люди меня Шапочкой зовут, а у меня тятин малахай, да и тот старый.

Дружбе ребячьей это не мешало. Лейко первый в драку лез, коли кто обзовет Ланка Пужанком.

— Какой он тебе Пужанко? Кого испугался?

Так вот и росли парнишечки рядком да ладком. Рассорки, понятно, случались, да ненадолго. Промигаться не успеют, опять вместе.

И то у ребят вровень пришлось, что оба последними в семьях росли. Повольготнее таким-то. С малыми не водиться. От снегу до снегу домой только поесть да поспать прибегут.

Вот раз сидят этак-то, а к Лейковой сестре Марьюшке подружки набежали. Время к Новому году подвигалось, а по девичьему обряду в ту пору про женихов ворожат. Девчонки и затеяли такую ворожбу. Ребятам любопытно поглядеть, да разве подступишься. Блиско не пускают, а Марьюшка по-свойски еще подзатыльников надавала.

— Уходи на свое место!

Она, видишь, эта Марьюшка, из сердитеньких была. Который год в невестах, а женихов не было. Девушка будто и вовсе хорошая, да маленько косоротенька. Изъян вроде и невелик, а парни все же браковали ее из-за этого. Ну, она и сердилась.

Забилась ребята на полати, пыхтят да помалкивают, а девчонкам весело. Золу сеют, муку по столешнице раскатывают, угли перекидывают, в воде брызгаются. Перемазались все, с визгом хохочут одна над другой, только Марьюшке невесело. Она, видно, изверилась во всякой ворожбе, говорит: — Пустяк это. Одна забава.

Одна подружка на это и скажи:

— По-доброму-то ворожить боязно.

— А как? — спрашивает Марьюшка.

Подружка и рассказала:

— От бабушки слыхала, — самое правильное гадание будет такое. Надо вечером, как все уснут, свой гребешок на ниточке повесить на поветях, а на другой день, когда еще никто не пробудится, снять этот гребешок, — тут все и увидишь.

Все любопытствуют — как?

А девчонка объясняет:

— Коли в гребешке волос окажется — в тот год замуж выйдешь. Не окажется волоса — нет твоей судьбы. И про то догадаться можно, какой волосом муж будет.

Ланко с Лейком приметили этот разговор и то смекнули, что Марьюшка непременно так ворожить станет. А оба в обиде на нее за подзатыльники-то. Ребята и сговорились:

— Подожди! Мы тебе припомним!

Ланко в тот вечер домой ночевать не пошел, у Лейка на полатах остался. Лежат, будто похрапывают, а сами друг дружку кулачками в бока подтыкают: гляди, не усни!

Как большие все уснули, ребята слышат — Марьюшка в сенки вышла. Ребята за ней и углядели, как она на повети залезала и в котором месте там возилась. Углядели и поскорее в избу. За ними следом Марьюшка прибежала. Дрожит, зубами чакает. То ли ей холодно, то ли боязно. Потом легла, поежилась маленько и, слышно стало, — уснула. Ребятам того и надо. Слезли с полатей, оделись, как пришлось, и тихонько вышли из избы. Что делать, об этом они уж сговорились.

У Лейка, видишь, мерин был, не то чалый, не то бурый, звали его Голубко. Ребята и придумали этого мерина Марьюшкиным гребешком вычесать. На поветях-то ночью боязно, только ребята один перед другим храбрятся. Нашли на поветях гребешок, начесали с Голубка шерсти и гребешок на место повесили. После этого в избу пробрались и крепко-накрепко заснули. Пробудились позднехонько. Из больших в избе одна Лейкова мать была — у печки топталась.

Пока ребята спали, тут вот что случилось. Марьюшка утром поднялась раньше всех и достала свой гребешок. Видит — волосу много. Обрадовалась — жених кудрявый будет. Побежала к подружкам похвастаться. Те глядят — что-то не вовсе ладно. Дивятся, какой волос-то чудной. Ни у одного знакомого парня такого не видывали. Потом одна разглядела в гребешке силюшко от конского хвоста. Подружки и давай хохотать над Марьюшкой.

— У тебя, — говорят, — женихом-то Голубко оказался.

Марьюшке это за большую обиду, она разругалась с подружками, а те, знай, хохочут. Кличку ей объявили: Голубкова невеста.

Прибежала Марьюшка домой, жалуется матери — вот какое горе приключилось, а ребята помнят вчерашние подзатыльники и с полатей поддразнивают:

— Голубкова невеста, Голубкова невеста! Марьюшка тут вовсе разревелась, а мать смекнула, чьих это рук дело, закричала на ребят:

— Что вы, бесстыдники, наделали! Без того у нас девку женихи обходят, а вы ее на смех поставили.

Ребята поняли — вовсе не ладно вышло, давай переколоться:

— Это ты придумал!

— Нет, ты!

Марьюшка из этих переколов тоже поняла, что ребята ей такую штуку подстроили, кричит им:

— Чтоб вам самим голубая змейка привиделась!

Тут опять на Марьюшку мать напустилась:

— Замолчи, дура! Разве можно такое говорить? На весь дом беду накличешь!

Марьюшка в ответ на это свое говорит:

— Мне что до этого! Не глядела бы на белый свет!

Хлопнула дверь, выбежала в ограду и давай там снеговой лопатой Голубка гонять, будто он в чем провинился. Мать вышла, сперва пристрожила девку, потом в избу увела, уговаривать стала. Ребята видят — не до них тут, утянулись к Ланку. Забились там на полати и посиживают смиренхонько. Жалко им Марьюшку, а чем теперь поможешь? И голубая змейка в головенках застряла. Шепотом спрашивают один у другого:

— Лейко, ты не слыхал про голубую змейку?

— Нет, а ты?

— Тоже не слыхивал.

Шептали, шептали, решили у больших спросить, когда дело маленько призамнется. Так и сделали. Как Марьюшкина обида позабылась, ребята и давай разузнавать про голубую змейку.

Кого ни спросят, те отмахиваются — не знаю, да еще грозятся:

— Возьму вот прут да отвожу обоих! Забудете о таком спрашивать!

Ребятам от этого еще любопытнее стало: что за змейка такая, про которую и спрашивать нельзя?

Нашли-таки случай. По праздничному делу у Ланка отец пришел домой порядком выпивши и сел у избушки на завалинке. А ребята знали, что он в такое время поговорить больно охоч.

Ланко и подкатился:

— Тятя, ты видал голубую змейку?

Отец, хотя сильно выпивши был, даже отшатнулся, потрезвел и заклятье сделал:

— Чур, чур, чур! Не слушай, наша избушка-хороминка! Не тут слово сказано!

Пристрожил ребят, чтоб напередки такого не говорили, а сам все-таки выпивши, поговорить-то ему охота. Посидел так, помолчал, потом и говорит:

— Пойдемте на бережок. Там свободнее про всякое сказывать.

Пришли на бережок, закурил

Ланков отец трубку, оглянулся на все стороны и говорит:

— Так и быть, скажу вам, а то еще беды наделаете своими разговорами. Вот слушайте!

Есть в наших краях маленькая голубенькая змейка. Ростом не больше четверти, и до того легонькая, будто в ней вовсе никакого весу нет. По траве идет, так ни одна былинка не погнется. Змейка эта не ползает, как другие, а свернется колечком, головушку выставит, а хвостиком упирается и подскакивает, да так бойко, что не догонишь ее. Когда она этак-то бежит, вправо от нее золотая струя сыплется, а влево черная-пречерная.

Одному увидеть голубую змейку прямое счастье: наверняка верховое золото окажется, где золотая струя прошла. И много его. Поверху большими кусками лежит. Только оно тоже с подводом. Если лишку захватишь да хоть капельку сбросишь, все в простой камень повернется. Второй раз тоже не придешь, потому место сразу забудешь.

Ну, а когда змейка двоим-троим либо целой артельке покажется, тогда вовсе черная беда. Все перессорятся и такими ненавистниками друг дружке станут, что до смертоубийства дело дойдет. У меня отец на каторгу ушел из-за этой голубой змейки. Сидели как-то артелью и разговаривали, а она и покажись. Тут у них и пошла неразбериха. Двоих насмерть в драке убили, остальных пятерых на каторгу угнали. И золота никакого не оказалось. Потому вот про голубую змейку и не говорят: боятся, как бы она не показалась при двоих либо троих. А показаться она везде может: в лесу и в поле, в избе и на улице. Да еще сказывают, будто голубая змейка иной раз человеком прикидывается, только узнать ее все-таки можно.

Как идет, так даже на самом мелком песке следов не оставляет. Трава и та под ней не гнется. Это первая примета, а вторая такая: из правого рукава золотая струя бежит, из левого — черная пыль сыплется.

Наговорил этак-то Ланков отец и наказывает ребятам:

— Смотрите, никому об этом не говорите и вдвоем про голубую змейку вовсе даже не поминайте. Когда в одиночку случится быть и кругом людей не видно, тогда хоть криком кричи.

— А как ее звать? — спрашивают ребята.

— Этого, — отвечает, — не знаю. А если бы знал, тоже бы не сказал, потому опасное это дело.

На том разговор и кончился. Ланков отец еще раз настрого наказал ребятам помалкивать и вдвоем про голубую змейку даже не поминать.

Ребята сперва сторожились, один другому напоминал:

— Ты гляди, про эту штуку не говори и не думай, как со мной вместе. В одиночку надо.

Только как быть, когда Лейко с Ланком всегда вместе и голубая змейка ни у того, ни у другого с ума не идет? Время к теплу подвинулось. Ручейки побежали. Первая весенняя забава около живой воды повозиться: лодочки пускать, запруды строить, меленки водой крутить. Улица, по которой ребята жили, крутиком к пруду спускалась. Весенние ручейки тут скоро сбежали, а ребята в эту игру не наигрались. Что делать? Они взяли по лопатке да и побежали за завод.

Там, дескать, из лесу еще долго ручейки бежать будут, на любом поиграть можно. Так оно и было. Выбрали ребята подходящее место и давай запруду делать, да поспорили, кто лучше умеет. Решили на деле проверить: каждому в одиночку плотинку сделать. Вот и разошлись по ручью-то. Лейко пониже, Ланко повыше шагов, поди, на полсотни. Сперва перекликались:

— У меня, смотри-ко!

— А у меня! Хоть завод строй!

Ну, все-таки работа. Оба крепко занялись, помалкивают, стараются, как лучше сделать. У Лейка привычка была что-нибудь припевать за работой. Он и подбирает разные слова, чтобы склад вышло:

Эй-ка, эй-ка, Голубая змейка!

Объявись, покажись! Колеском покрутишься!

Только пропел, видит — на него с горки голубенькое колеско катится. До того легонькое, что сухие былинки и те под ним не сгибаются. Как ближе подкатилось, Лейко разглядел: это змейка колечком свернулась, головенку вперед уставила да на хвостике и подскакивает. От змейки в одну сторону золотые искры летят, в другую черные струйки брызжут. Глядит на это Лейко, а Ланко ему кричит:

— Лейко, гляди-ко, вон она — голубая змейка! Оказалось, что Ланко это же самое видел, только змейка к нему из-под горки поднималась. Как Ланко закричал, так голубая змейка и потерялась куда-то. Сбежались ребята, рассказывают друг другу, хвалятся:

— Я и глазки разглядел!

— А я хвостик видел. Она им упрется и подскочит.

— Думаешь, я не видел? Из колечка-то чуть высунулся.

Лейко, как он все-таки поживее был, подбежал к своему пруду за лопаткой.

— Сейчас, — кричит, — золота добудем! Прибежал с лопаткой и только хотел ковырнуть землю с той стороны, где золотая струя прошла, Ланко на него налетел:

— Что ты делаешь! Загубишь себя! Тут, поди-ко черная беда рассыпана!

Подбежал к Лейку и давай его отталкивать. Тот свое кричит, упирается. Ну, и раздрались ребята. Ланку с горки сподручнее, он и оттолкнул Лейку подальше, а сам кричит:

— Не допущу в том месте рыться! Себя загубишь. Надо с другой стороны.

Тут опять Лейко набросился:

— Никогда этого не будет! Загинеешь там. Сам видел, как в ту сторону черная пыль сыпалась.

Так вот и дрались. Один другого остерегает, а сами тумачат. До реву дрались. Потом разбираться стали, да и поняли, в чем штука: видели змейку с разных сторон, потому правая с левой и не сходятся. Подивились ребята.

— Как она нам головы закружила! Обоим навстречу показалась. Насмеялась над нами, до драки довела, а к месту и не подступишься. В другой раз, не прогневайся, не позовем. Умеем, а не позовем!

Решили так, а сами только о том и думают, чтобы еще раз поглядеть на голубую змейку. У каждого на уме и то было: не попытать ли в одиночку. Ну, боязно, да и перед дружкой как-то нескладно. Недели две, а то и больше все-таки о голубой змейке не разговаривали. Лейко начал:

— А что, если нам еще раз голубую змейку позвать? Только чтоб с одной стороны глядеть. Ланко добавил:

— И чтоб не драться, а сперва разобрать, нет ли тут обмана какого!

Сговорились так, захватили из дома по кусочку хлеба да по лопатке и пошли на старое место. Весна в том году дружная стояла. Прошлогоднюю ветошь всю зеленой травой закрыло. Весенние ручейки давно пересохли. Цветов много появилось. Пришли ребята к старым своим запрудам, остановились у Лейкиной и начали припевать:

Эй-ка, эй-ка, Голубая змейка!

Объявись, покажись! Колеском покрутись!

Стоят, конечно, плечо в плечо, как уговорились. Оба босиком по теплому времени. Не успели кончить припевку, от Ланковой запруды показалась голубая змейка.

По молодой-то траве скоренько поскакивает.

Направо от нее густое облачко золотой искры, налево — такое же густое — черной пыли. Катит змейка прямо на ребят. Они уже разбежаться хотели, да Лейко смекнул, ухватил Ланка за пояс, поставил перед собой и шепчет:

— Негоже на черной стороне оставаться! Змейка все же их перехитрила, — меж ног у ребят прокатила. У каждого одна штанина золоченой оказалась, другая как дегтем вымазана. Ребята этого не заметили, смотрят, что дальше будет. Голубая змейка докатила до большого пня и тут куда-то подевалась. Подбежали, видят: пень с одной стороны золотой стал, а с другой черным-чернехонек и тоже твердый как камень. Около пня дорожка из камней: направо желтые, налево черные.

Ребята, конечно, не знали вескости золотых камней. Ланко сгоряча ухватил один и чует — ой, тяжело, не донести такой, а бросить боится. Помнит, что отец говорил: сбросишь хоть капельку, все в простой камень перекинется. Он и кричит Лейку:

— Поменьше выбирай, поменьше! Этот тяжелый! Лейко послушался, взял поменьше, а он тоже тяжелым показался. Тут он понял, что у Ланка камень вовсе не под силу, и говорит:

— Брось, а то надорвешься!

Ланко отвечает:

— Если брошу, все в простой камень обернется.

— Брось, говорю! — кричит Лейко, а Ланко упирается: нельзя.

Ну, опять дракой кончилось. Подрались, наревелись, подошли еще раз посмотреть на пенек да на каменную дорожку, а ничего не оказалось. Пень как пень, а никаких камней, ни золотых, ни простых, вовсе нет. Ребята и судят:

— Обман один эта змейка. Никогда больше думать о ней не будем.

Пришли домой, там им за штаны попало. Матери отмутузили того и другого, а сами дивятся:

— Как-то им пособит и вымазаться на один лад! Одна штанина в глине, другая — в дегтю!

Ухитриться тоже надо!

Ребята после этого вовсе на голубею змейку сердились:

— Не будем о ней говорить!

И слово свое твердо держали! Ни разу с той поры у них и разговору о голубой змейке не было. Даже в то место, где ее видели, ходить перестали.

Раз ребята ходили за ягодами. Набрали по полной корзиночке, вышли на покосное место и сели тут отдохнуть. Сидят в густой траве, разговаривают, у кого больше набрано да у кого ягода крупнее. Ни тот, ни другой о голубой змейке и не подумал. Только видят — прямо к ним через покосную лужайку идет женщина. Ребята сперва этого в приметку не взяли. Мало ли женщин в лесу в эту пору: кто за ягодами, кто по покосным делам. Одно показалось им непривычным: идет, как плывет, совсем легко. Поближе подходить стала, ребята разглядели — ни один цветок, ни одна травинка под ней не согнутся. И то углядели, что с правой стороны от нее золотое облачко колышется, а с левой — черное. Ребята и уговорились:

— Отвернемся. Не будем смотреть! А то опять до драки доведет.

Так и сделали. Повернулись спинами к женщине, сидят и глаза зажмурили. Вдруг их подняло. Открыли глаза, видят — сидят на том же месте, только примятая трава поднялась, а кругом два широких обруча, один золотой, другой чернокаменный. Видно, женщина обошла их кругом да из рукавов и насыпала. Ребята кинулись бежать, да золотой обруч не пускает: как перешагивать — он поднимется, и поднырнуть тоже не дает. Женщина смеется:

— Из моих кругов никто не выйдет, если сама не уберу.

Тут Лейко с Ланком взмолились:

— Тетенька, мы тебя не звали.

— А я, — отвечает, — сама пришла поглядеть на охотников добыть золото без работы.

Ребята просят:

— Отпусти, тетенька, мы больше не будем. И без того два раза подрались из-за тебя!

— Не всякая, — говорит, — драка человеку в покор, за иную и наградить можно. Вы по-хорошему дрались. Не из-за корысти либо жадности, а друг дружку охраняли.

Недаром золотым обручем от черной беды вас отгородила. Хочу еще испытать.

Насыпала из правого рукава золотого песка, из левого черной пыли, смешала на ладони, и стала у нее плитка черно-золотого камня. Женщина эту плитку прочертила ногтем, и она распалась на две ровнешенькие половинки. Женщина подала половинки ребятам и говорит:

— Коли который хорошее другому задумает, у того плиточка золотой станет, коли пустяк — выйдет бросовый камешок.

У ребят давно на совести лежало, что они Марьюшку сильно обидели. Она хоть с той поры ничего им не говаривала, а ребята видели: стала она вовсе невеселая. Теперь ребята про это и вспомнили, и каждый пожелал:

— Хоть бы поскорее прозвище Голубкова невеста забылось и вышла бы Марьюшка замуж!

Пожелали так, и плиточки у обоих стали золотые. Женщина улыбнулась:

— Хорошо подумали. Вот вам за это награда.

И подает им по маленькому кожаному кошельку с ременной завязкой.

— Тут, — говорит, — золотой песок. Если большие станут спрашивать, где взяли, скажите прямо: «Голубая змейка дала, да больше ходить за этим не велела». Не посмеют дальше разузнавать.

Поставила женщина обручи на ребро, облокотилась на золотой правой рукой, на черный — левой и покатила по покосной лужайке. Ребята глядят — не женщина это, а голубая змейка, и обручи в пыль перешли. Правый — в золотую, левый — в черную.

Постояли ребята, запрятали свои золотые плиточки да кошелечки по карманам и пошли домой. Только Ланко промолвил:

— Не жирно все-таки отвалила нам золотого песку.

Лейко на это и говорит:

— Столько, видно, заслужили.

Дорогой Лейко чувствует — сильно потяжелело у него в кармане. Еле вытащил свой кошелек, — до того он вырос. Спрашивает у Ланка:

— У тебя тоже кошелек вырос?

— Нет, — отвечает, — такой же, как был.

Лейку неловко показалось перед дружкойм,

что песку у них не поровну, он и говорит:

— Давай отсыплю тебе.

— Ну что ж, — отвечает, — отсыпь, если не жалко. Сели ребята близ дороги, развязали свои кошельки, хотели выровнять, да не вышло. Возьмет Лейко из своего кошелька горсточку золотого песка, а он в черную пыль перекинется. Ланко тогда и говорит:

— Может, все-то опять обман.

Взял шепотку из своего кошелька. Песок как песок, настоящий золотой. Высыпал щепотку Лейку в кошелек — перемены не вышло. Тогда Ланко и понял: обделила его голубая змейка за то, что пожадничал на даровщину. Сказал об этом Лейку, и кошелек на глазах стал прибывать. Домой пришли оба с полнехонькими кошельками, отдали свой песок и золотые плиточки семейным и рассказали, как голубая змейка велела.

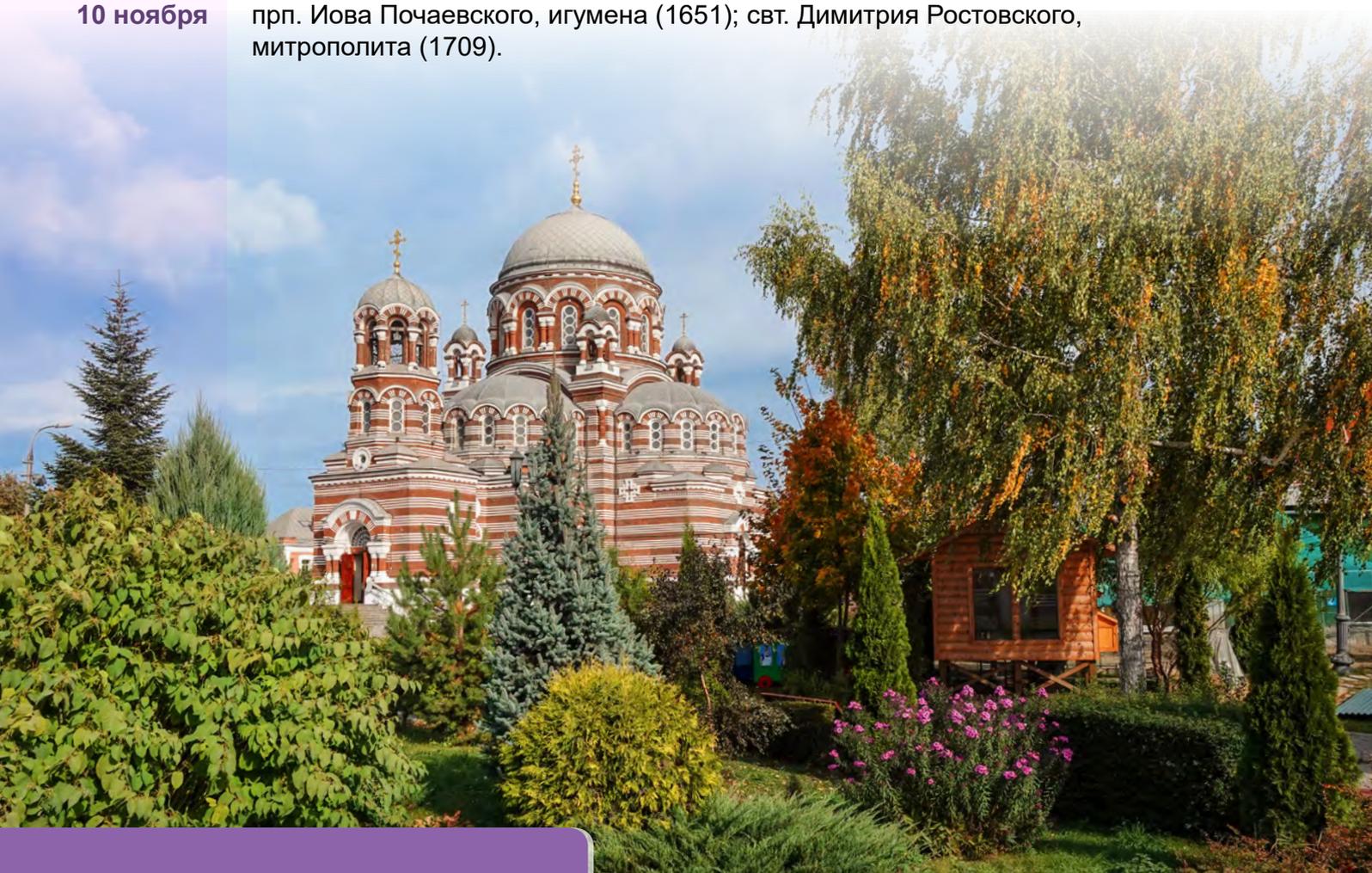
Все, понятно, радуются, а у Лейка в доме еще новость: к Марьюшке приехали сваты из другого села. Марьюшка веселехонька бегаёт, и рот у нее в полной исправе. От радости, то ли? Жених верно какой-то чубарый волосом, а парень веселый, к ребятам ласковый. Скоренько с ним сдружились.

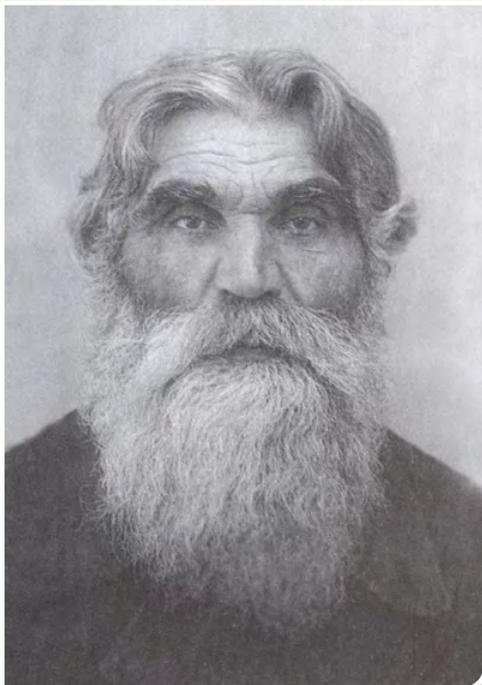
Голубую змейку с той поры ребята никогда не вызывали. Поняли, что она сама наградой прикатит, если заслужишь, и оба удачливы в своих делах были. Видно, помнила их змейка и черный свой обруч от них золотым отделяла.

МЕСЯЦСЛОВ

18 октября	Свтт. Петра, Феоноста, Алексия, Киприана, Фотия, Ионы, Геронтия, Иоасафа, Макария, Филиппа, Иова, Ермогена, Тихона, Петра, Филарета, Иннокентия и Макария, Московских и всея России чудотворцев.
19 октября	Апостола Фомы (I).
22 октября	Апостола Иакова Алфеева (I).
23 октября	Прп. Амвросия Оптинского (1891).
24 октября	Собор всех святых, в Оптиной пустыни просиявших.
25 октября	Память святых отцов VII Вселенского Собора (787).
26 октября	Иверской иконы Божией Матери (принесение в Москву в 1648 г.).
28 октября	свт. Афанасия (Сахарова) исп., епископа Ковровского (1962).
31 октября	Апостола и евангелиста Луки (I).
1 ноября	Перенесение мощей прп. Иоанна Рыльского.
4 ноября	Празднование Казанской иконе Божией Матери (в память избавления Москвы и России от поляков в 1612 г.).
5 ноября	Апостола Иакова, брата Господня по плоти (ок. 63);
6 ноября	Иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (1688).
8 ноября	Вмч. Димитрия Солунского (Фессалоникийского) (ок. 306). Воспоминание великого и страшного трясения (землетрясения), бывшего в Царьграде (740).
10 ноября	прп. Иова Почаевского, игумена (1651); свт. Димитрия Ростовского, митрополита (1709).

ИСПОВЕДНИК ИОАНН ЛЕТНИКОВ

Исповедник Иоанн (Иван Леонтьевич Летников) родился в 1860 г. в селе Протопопово Коломенского уезда. Вместе с тестем Андреем Салтыковым, во владении у которого было несколько барж и пароходов на реке Оке, Иван занимался покупкой ржи, которую перемалывали затем в муку и отвозили в Москву на продажу. Впоследствии Иван стал лесопромышленником, имел свой лесопильный завод и мельницу. В 1918 г. добровольно отдал государству лесопильный завод и занялся крестьянским трудом.

С 1904 по 1929 г. Иван Леонтьевич был старостой Троицкой церкви в селе Протопопово.

23 декабря 1929 г. тройка ОГПУ приговорила Ивана Летникова к высылке в Северный край на три года. Тяжелые условия заключения, этапа и жизни на Крайнем Севере

подорвали здоровье Ивана Леонтьевича, которому исполнилось тогда 70 лет.

25 октября 1930 г. он умер в Архангельске и погребен в неизвестной могиле.

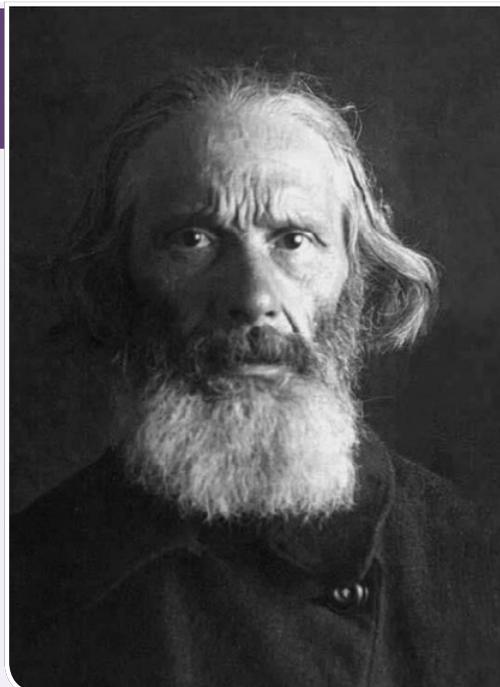
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПАВЕЛ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Священномученик Павел Платонович Преображенский родился 10 декабря 1882 г. в семье диакона Воскресенской церкви села Воскресенского (ныне г. Воскресенск) Платона Павловича Преображенского. В 1899 г. окончил Коломенское духовное училище, в 1905 г. Московскую духовную семинарию. В 1908 г. рукоположен в диакона к московскому Рождественскому монастырю.

В 1917 г. диакон Павел был рукоположен в сан священника ко храму Рождества Богородицы с. Мишутино Московской губернии. Приход был очень бедным, летом он занимался сельским хозяйством, а зимой извозом, но семья с трудом сводила концы с концами. В конце 1928 г. о. Павел был назначен настоятелем Ильинской церкви с. Синьково. Уезжая из Мишутина, он продал дом, чтобы в Синькове

купить новый, но денег за него не получил: покупатель, вселившийся в дом священника, заявил, что попу денег не полагается. Поэтому жилье пришлось снимать. Жили в одной комнате. В середине тридцатых годов о. Павел был возведен в сан протоиерея.

30 сентября 1937 г. о. Павла арестовали. Несколько дней его продержали в милиции в Рогачеве, затем отправили в тюрьму г. Дмитров. Транспорта не дали никакого – погнали пешком до Дмитрова, двадцать четыре версты. Когда его вели через Синьково, соседи позвали супругу Анастасию. Она выбежала из дома и в последний раз увидела мужа. Он едва передвигал ноги. В тюрьму батюшка был доставлен больным. Оснований для ареста о. Павла не было. Несмотря на это, священника признали виновным в «контрреволюционной агитации, направленной на подрыв мощи советского государства». 19 октября 1937 г. тройка НКВД приговорила отца Павла к расстрелу. Протоиерей Павел Преображенский был расстрелян 21 октября 1937 г. и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ДОРОГИЕ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!

Детский приют при Троицком храме (Щурово) нуждается в помощи! Сейчас в приюте проживает 30 детей дошкольного и школьного возраста.

НЕОБХОДИМЫ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ: молочные продукты, консервы мясные и рыбные, крупы, макаронные изделия, масло, соль, сахар, овощи, фрукты. Также необходимы моющие средства с содержанием хлора, средства личной гигиены, зубная паста, мыло, шампуни.

Оставить посильную помощь можно на охране церковного дома с пометкой «ДЛЯ ПРИЮТА». Также можно сделать онлайн-пожертвование через сайты храма и детского приюта. Наш приют существует исключительно на благотворительные пожертвования.

<https://priut-kolomna.ru/help>

<https://www.hram1891.ru/o-khrame/help>